

18+

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Мистический детектив

лучшие рассказы конкурса
«Алиби мёртвых»

София Протосовицкая

Избранные.

Мистический детектив

«Издательские решения»

Протосовицкая С.

Избранные. Мистический детектив / С. Протосовицкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909607-4

Побег нацистского преступника и пропажа ядерных боеголовок; смерть, индейцы и квантовая механика; неравноценный обмен жизнями; проблемы посмертной интеграции душ; таинственные исчезновения людей в деревне на том свете; приключения банковского служащего в африканских джунглях; петля времени, живые рисунки и летающие киты; торговля аксессуарами из снов; трогательная история о чувствах двух «мертвецов» и это только завязка, — наш сборник поможет вам взглянуть на привычный жанр с необычного ракурса. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-909607-4

© Протосовицкая С.
© Издательские решения

Содержание

Маленький помощник	7
Связанные смертью	18
Мусорщик	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Избранные Мистический детектив

Иллюстратор София Протосовицкая

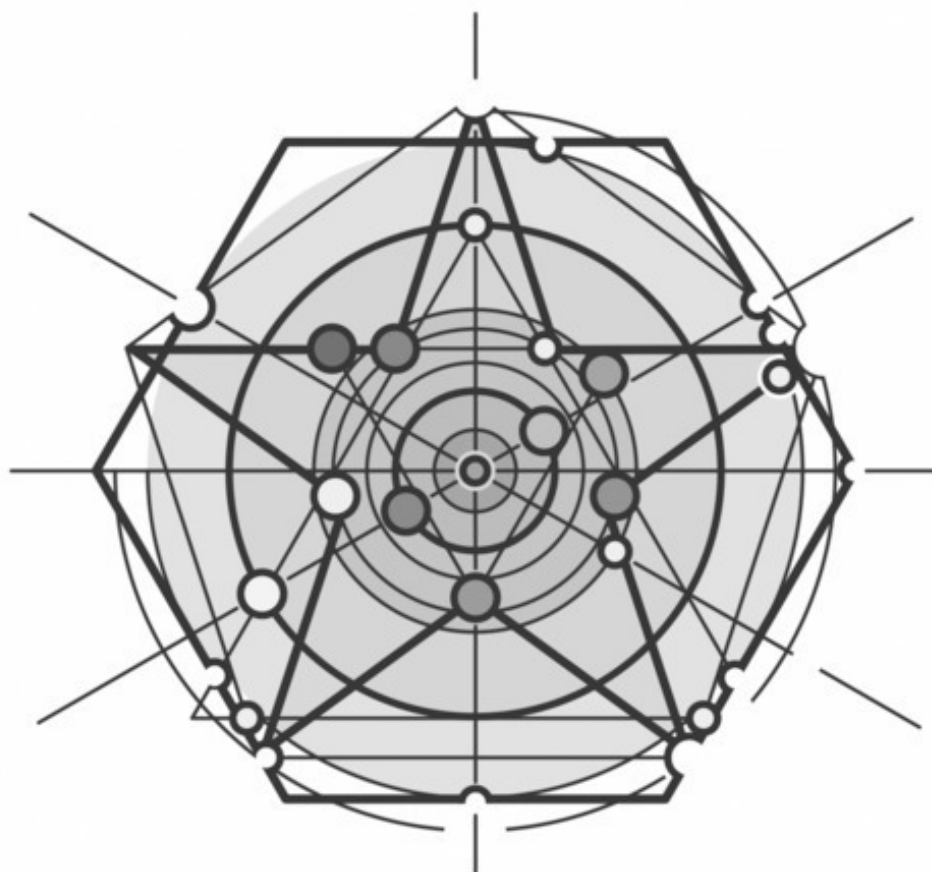
Дизайн обложки Алексей Жарков

Составитель Алексей Жарков

© София Протосовицкая, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9607-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Маленький помощник Рената Роз

– Сам-то я в такие вещи не верю. Но ярославские коллеги отзывались о вас положительно. Старший следователь Ершов пристально разглядывает меня, откинувшись на спинку стула. Он кажется совсем молодым, но только пока не посмотришь в глаза. Глаза выдают истинный возраст. Тот, который измеряется не количеством прожитых лет, а износом души.

– Тело обнаружили грибники.

Он выкладывает фотографии из папки. На обочине лесной дороги распростерто худенькое тело. Девочка лежит спиной кверху, лица не видно. Легкая куртка, синие джинсы, длинные каштановые волосы разметались вокруг головы. На других фотографиях – лицо и шея крупным планом. Не хочу на них смотреть, поднимаю взгляд.

Изображение двойится. У девочки, которую я вижу левым глазом, открытый взгляд и нежный румянец фарфоровой куклы. Ей тринадцать и она мертва.

Ершов быстро оглядывается через плечо, пытаясь понять, куда я ушла. Люди часто реагируют так на мое косоглазие.

– Следствие зашло в тупик. Мы опросили всех: друзей, соседей, одноклассников. И не по одному разу. Ничего. Ни одной зацепки. Если это был не местный, нам его никогда не найти. Никаких признаков борьбы, сексуального насилия, крови, спермы – ничего, только след от веревки. Отследили все проезжавшие по трассе машины – по камере на заправке. Полгода работы – все псу под хвост.

– Почему она в одних носках?

Пожимает плечами.

– В таком виде ее обнаружили. Пропал еще рюкзак. Ничего ценного в нем не было, насколько нам известно.

На ногах у нее розовые кеды, за спиной – розовый же рюкзачок. Я вижу Диану такой, какой она была при жизни. Мертвые ко мне милосердны. Вместо уродливой борозды на шее, которая хорошо различима на фото, серебристой змейкой вспыхивает тонкая цепочка с кулоном в форме изогнутого лепестка.

– А из украшений ничего не пропало?

Ершов недоуменно хмурится.

– Украшений на ней не было. Так мать сказала. Но толку от ее слов... Даже не заметила, что дочка исчезла – отмечала майские праздники. Мат-ть, что б ее...

Следователь зол. Ему хочется выразиться покрепче и закурить. Но он сдерживается, лишь мнёт нервными пальцами полупустую пачку.

– Мне нужно поговорить с подругами Дианы. У нее был парень?

Девочка прижимает палец к губам. Она ничего не скажет. Из этого я делаю вывод: она знает убийцу и не хочет, чтобы его нашли.

Снаружи меня встречает унылая слякотная осень. В воздухе разлита густая безысходность, она втекает в меня, как вода в легкие утопающего. Город раскрывает мне свои объятия. Наваливается, обхватывает – сначала лениво, но все теснее сжимая хватку.

Со времён моего детства здесь мало что изменилось. Разве что ухабы сделались глубже, да пустующих домов прибавилось. Разве что темные силы хозяйничают злее и нахальнее.

Убийства случались здесь и прежде, как без этого. Но это, последнее, было особенным, потому что казалось бессмысленным и необъяснимым, и еще потому что несколько месяцев следственных действий не вывели на убийцу и не принесли даже намека на возможный мотив. Оно породило волну слухов о свободно разгуливающем маньяке и вызвало шквал постов в соц-

сетях: перепуганных, визжащих, истерических, смакующих выдуманные подробности. Неудивительно, что к делу подключилась областная прокуратура. И неудивительно, что следователь цепляется за каждую соломинку, даже такую сомнительную, как я.

Город моего детства позвал меня, и я вернулась в худший из кошмаров.

Андрей – теперь уже бывший парень Дианы – угрюмый переросток, нескладный и худой, терзаемый зубастыми подростковыми демонами. И он совершенно не настроен на дружескую беседу.

Мать ушла, оставив нас наедине. Пискнула: «К тебе из газеты!» и выскользнула из комнаты сына с явным облегчением. Комната похожа на пещеру: тесная и темная, едва можно протиснуться между кроватью и компьютерным столом. На стенах – постеры с изображением рок-групп. Сплошная кожа и заклепки, длинные патлы и татуировки, и когда я смотрю на них, мне мерещатся клыки, разинутые пасти и красные зрачки.

– Значит, вы сидели здесь и слушали музыку. Потом она ушла. Просто так взяла и ушла? И не сказала, куда?

Мотает головой.

– И вы не ссорились?

Снова молчаливое отрицание.

– Скучаешь по ней?

Я бросаю пробный камень в стоячую воду. Смотрю на круги. Жду, что всплывет.

Впервые на его лице отражаются какие-то чувства, но он тут же отворачивается.

Я ощущаю исходящую от парня вибрацию. Он весь как натянутая струна. Под внешним безразличием скрывается буря эмоций. Горе, тоска, ярость – все перемешалось.

– Они сожрут тебя.

Слова вырываются произвольно, и я тут же жалею об этом.

– Чего?

– Забудь, – говорю я и встаю. – Спасибо, что уделил мне время.

Мальчишка провожает меня недоумевающим взглядом. Он явно решил, что у меня не все дома. Что ж, он прав.

Скоро начнет смеркаться, мне нужно спешить. Город почти целиком состоит из частного сектора, растянувшегося на много километров. Я бреду по ухабистым улицам мимо канав и покосившихся заборов, за которыми виднеются опустошённые огороды. Вот и окраина. Узкая дорога петляет вдоль железнодорожной насыпи. На этих кривых улочках оживает мое детство.

Мое детство – чаша, наполненная бедой и чудесами. Оно сочится ядом, впивается шипами в память. Протягивает ко мне руки, стучится в сердце.

Мое детство – это горечь сушеных ягод, утоляющих голод. Грубые голоса живых и ласковый шепот мертвых. Равнодушие и холод. Забота невидимых рук. Умение читать по лицам, чтобы знать, когда ждать боли. Умение слушать ветер, чтобы знать, когда ждать грозы. Вечный страх. И уютная тишина дома, к которому я подхожу.

Вместо калитки – дыра в поросшем голубоватым мхом заборе, но окна пока целы, хоть и покрыты пылью до полной непрозрачности, а главное – дверь не выломана и замок на месте. Из-под ржавой железной бочки я достаю ключ, рассохшаяся дверь отворится с натужным треском. Внутри почти все по-прежнему: знакомые обои, продавленный диван, на вечнозеленом поле настенного коврика с бахромой пасется пятнистый олень. Даже электричество работает. Кукла в вязанной шапочке – бабушка любила вязать крючком – сидит на грязном подоконнике. Мне требуется вся сила воли, чтобы не поддаться тоске. Сейчас не время раскисать.

Поэтому я вытираю слезы и выхожу во двор. Нахожу у стены трухлявую деревянную лестницу и лезу к чердачному окошку, осторожно пробуя ногой ненадёжные перекладины. Окошко – это просто прямоугольное отверстие без рамы. Чердак завален почерневшими досками и фанерными плитами. Какой-то один страшный миг мне кажется, что здесь ничего больше нет, кроме этого хлама.

Но потом я нащупываю под грязной полиэтиленовой пленкой от парника то, что искала: старый коричневый чемоданчик с отвалившейся ручкой. Я вытаскиваю его на свет, падающий из окошка. От волнения желудок сворачивается тугим узлом и поднимается к горлу. Я откидываю крышку и медленно, постепенно успокаиваюсь.

Память не обманула меня. Все сокровища на месте. По крайней мере, их я не выдумала.

Прижимая чемоданчик к себе, я осторожно спускаюсь вниз. Мои руки дрожат, когда я достаю один за другим предметы, каждый из которых оживляет спрятанные в дальние подвалы памяти, запечатанные семью замками воспоминания: стопку пожелтевших от времени школьных тетрадок (цена 2 коп.), сморщенные ягоды рябины, рассыпающиеся меж пальцами засушенные васильки, картонные елочные игрушки, неваляшка с разбитым пузом. Для кого-то – груды мусора, для меня – чудесные дары.

От нахлынувших переживаний, голода и холода меня трясёт, но нет сил ни приготовить еду, ни искать дрова для печи. Я забираюсь на диван, прихватив с собой одну из тетрадей, и укрываюсь всеми одеялами, какие удалось найти.

Примерно половину тетради в узкую линейку заполняют ученические записи синими чернилами. Почерк детский и трогательно аккуратный.

Сон – сын. Рама – рана. Мак – рак. Жар – шар. Козы – косы. Игра – игла.

Ни одной ошибки или помарки, буквы ровные, с одинаковым наклоном.

Маленький мальчик заморозил пальчик.

Косили косами. У кошки ушки. У рака икра.

Последняя запись – начатое, но недописанное стихотворение. А дальше – чистые листы. Что-то есть тревожащее в этом оборванном стихотворении, в недоговорённых строчках. Я достаю из сумки ручку с синей пастой и дописываю:

– Мы дожили! Мы выжили!

– Мы живы, живы мы!

Закрываю глаза и вспоминаю. Легкий топот детских ног. Прикосновение невидимых рук. Волшебные знаки внимания, спасающие от отчаяния и одиночества. Неужели всё это – плод моего воображения? Сама дарила себе подарки, выдумала невидимого друга, играла с ним в пятнашки и прятки?

Убаюканная тишиной старого дома, я медленно погружаюсь в сон; тихий скрип половиц, легкое дыхание у щеки, касание детских пальчиков не пугают меня, ведь они мне только снятся. И прежде чем окончательно заснуть, я чувствую нисходящий на меня покой: словно два крыла опустились надо мной и окутали уютным теплом.

Проснувшись утром, я нахожу на полу раскрытую тетрадку, а в ней – рисунок, которого вчера не было. Моя шариковая ручка лежит тут же, на полу. Рисунок явно детский, но при этом он до жути выразителен.

У меня перехватывает дыхание. Такое ощущение, что температура в комнате опустилась ниже нуля, меня бьёт дрожь. Я проверяю входную дверь: так и есть, не заперта. Но почему-то я не верю, что ночью в доме побывал чужой. Кому могла придти в голову столь странная идея: забраться в чужой дом, чтобы порисовать в чужой тетради?

Подумать только, все эти годы я сомневалась в своем рассудке.

– Эй, ты здесь? – шепчу я. Не то чтобы я в самом деле ожидаю ответа. Но чего-то все же жду. Может быть, скрипа, шороха, шелеста... Но дом тих, безлюден и бездушен.

Выходя из дома, я беру с собой тетрадь. Моя первая цель сегодня – школа. Школа – ещё одно место, под завязку набитое воспоминаниями. Они похожи на осиный рой: только откройся, ослабь защиту – закусуют до смерти.

Смотрите, лягушонка в коробчонке приехала!

Глумливые голоса, безжалостные насмешливые лица.

Зимой и летом одним цветом!

Мне стыдно за своё старое зелёное пальто, за резиновые сапоги в любую погоду, за косящие глаза, за всю мою ненормальность и непохожесть и даже за собственный стыд. Я машу руками, отгоняя ос.

Дребезжит звонок, из комнаты с табличкой «Кабинет физики» в коридор вываливается дикая орава семиклассников, едва не сминая меня. Стайка девочек – человек пять – держатся вместе. Все длинноволосые, в обтягивающих джинсах, и уже вовсю пользуются косметикой. Я подхожу к ним, представляюсь журналисткой, говорю, что пишу статью про Диану и про бездействие полиции. Это находит у девочек отклик, одна уже плачет, у остальных глаза на мокром месте.

Диану все любили, уверяют меня девчонки. Она была «ангел», «солнышко» и так далее. Нелюдю, который её убил, на земле не место. Они не лицемерят, они и правда её любили.

Когда я спрашиваю про лучшую подругу Дианы, девочки переглядываются,жимают плечами, кривятся. Лучшую подругу зовут Яна, и её с ними нет. Потому что Яны нет подруг.

Я выясняю, что:

а) Яну не любит никто;

б) Яна – детдомовская, живёт у приёмных родителей, что она «оторва» и вообще больная на всю голову;

в) Диана дружила с ней из жалости.

Я прощаюсь с девочками и иду разыскивать дом, в котором живёт лучшая подруга Дианы. Нахожу его довольно быстро. Деревенский дом, каких здесь много: бревенчатые стены, резные наличники на окнах, рамы и дверь выкрашены серой краской. Но что-то мне в нём сильно не нравится. Настолько, что даже не могу себя заставить постучать в дверь. Пока я стою в нерешительности перед калиткой, по пустынной улице ко мне приближается одинокая сутулая фигурка со школьным рюкзаком, оттягивающим одно плечо. Сначала я принимаю её за мальчика: из-за короткой стрижки, мешковатой одежды и еще чего-то неуловимо мальчишеского в походке. Но это не мальчик.

Короткие волосы выкрашены в черный цвет, отчего и без того бледное лицо приобретает нездоровый оттенок, глаза густо обведены чёрными тенями. Точнее, один глаз, потому что второго не видно: он полностью скрыт за чёлкой. Она медленно приближается ко мне, опустив голову и неловко переставляя худые длинные ноги.

– Ты ведь Яна?

Она бросает на меня пугливый взгляд исподлобья. Я рассказываю привычную ложь. Говорю, что хочу написать про Диану статью. Говорю: нельзя, чтобы про неё забыли. Тем более, что убийца пока не найден.

Яна мнётся на месте, опустив голову, глядя себе под ноги. Войти в дом не предлагает.

– Яна, расскажи мне, пожалуйста, про Диану. Какой она была?

– Она была самой лучшей. Мне без неё так плохо...

Совсем не так я представляла себе лучшую подругу Дианы. После всего, что мне рассказали девчонки, я ожидала увидеть «оторву». А передо мной стоит несчастный ребёнок. Ранняя одинокая девочка, презираемая одноклассниками, вечно терпящая насмешки. А теперь потерявшая единственную подругу.

– Я хочу умереть, – говорит она вдруг. – Хочу, чтобы Диана пришла и забрала меня с собой.

– Что ты, Яночка, – ужасаюсь я, – нельзя так говорить!

– Мне нет здесь места, я только всем мешаю. Хочу сдохнуть, как паршивая собака! – не унимается Яна, она почти кричит.

Дверь дома открывается, на крыльцо выходит мужчина. Нет, не совсем так. На крыльцо выходит чудовище из фильма ужасов. У него покрытая шерстью морда, низкий зоб, маленькие злобные глазки и клыкастая пасть. Чудовище раскрывает пасть, и из его глотки вырываются хриплые грубые звуки. До меня не сразу доходит, что это слова.

«Живо в дом», – вот что оно говорит. Яна вздрагивает всем телом, втягивает голову в плечи и открывает калитку. Я пытаюсь удержать её, фокус зрения смещается и наваждение проходит.

Никакого чудовища нет. На крыльце стоит мужчина с опухшим, заросшим щетиной лицом и сверлит меня злым взглядом. Яна испуганной мышкой шмыгает в дом, мужчина со стуком захлопывает дверь перед моим носом.

– Ершов, слушаю вас.

Голос в трубке звучит деловито и резко. Я собираюсь с духом и говорю:

– Вам нужно поговорить с Яной.

– Вы что-то выяснили?

– Не совсем. То есть, я не уверена, это всего лишь подозрение... И это не насчёт убийства, это другое... Расспросите её о приёмном отце.

– А что с ним?

Я держу в руках открытую тетрадь. Мохнатое и зубастое чудовище, стоя на задних лапах, нависает над маленькой фигуркой девочки. Девочка изображена схематично: ручки-палочки, ножки – палочки потолще, волосы короткие. Можно было бы принять её за мальчика, как я сначала и сделала. Но теперь знаю – не мальчик. Густо замалёванная синей пастой чёлка скрывает один глаз, другой обведён жирной каймой. Рот раскрыт в беззвучном крике. Чудовище вытянуло когтистые лапы и готовится заключить жертву в хищные объятия, и мне видится что-то до нелепости похотливое в его высунутом языке и наклоне тела – то ли львиного, то ли собачьего.

Это придает мне решимости.

– Спросите, какие у них отношения. Спросите, не обижает ли он её.

После напряжённой паузы следует вопрос:

– В каком смысле обижает? Бьёт? Или...

Я предполагаю худшее. Он спрашивает, как я об этом узнала. Сама ли Яна мне рассказала? А если нет – с чего я взяла? В ходе расследования и Яну, и её приёмных родителей допрашивали чётко знает сколько раз и ничего подобного не заподозрили. Я не знаю, что сказать. Сослаться на интуицию, карты, хрустальный шар? Поэтому просто прошу тихо и жалобно:

– Поговорите с ней, пожалуйста!

Ершов нехотя соглашается и отключается, не попрощавшись.

Остаток дня проходит в ожидании. Я навожу чистоту в доме, топлю печку старыми досками, иду в магазин и покупаю еду и цветные карандаши. Не дождавшись новостей, ложусь спать, положив тетрадку и карандаши на стол. Проснувшись, первым делом спешу к столу.

На этот раз художник изобразил деревенский домик: прямоугольник с двумя окошками, треугольная крыша и сбоку крылечко лесенкой. Малыш использовал новые цветные карандаши. Сам дом коричневый, а оконные рамы и дверь – синие.

Симпатично, говорю я. Вот только чей он? Таких домов здесь – полгорода. Правда, синие рамы – это редкость.

За окнами уже сгущаются безнадежно ранние октябрьские сумерки, когда звонит Ершов и просит зайти в участок. По его тону я понимаю: есть важные новости. Внизу у проходной называю свою фамилию, и дежурный без дальнейших проволочек пропускает меня внутрь.

В маленьком кабинете, обшитом деревянными панелями, едва находится место для двух столов и шкафа с бумагами. Ершов усаживает меня за один из столов и даже предлагает кофе. Я соглашаюсь из вежливости. Вид у него уставший, глаза покраснели. Он ставит передо мной чашку с кофе, садится напротив и бросает на меня быстрый взгляд, в котором сквозит любопытство.

Я задумываюсь, кого он видит перед собой. Взглялась неизвестно откуда, занимается непонятно чем, вознаграждения не требует, на экстрасенсов, которых показывают по ящику, не похожа: ни тебе побрякушек, ни перстней с нелепо большими камнями, ни какого-либо другого магического антуража. Тихая. Робкая. Бесцветная. Смотрит куда угодно, только не на собеседника, а если и смотрит – то одним глазом.

Нервно теребя папку с бумагами, Ершов говорит, что я оказалась права. Яна всё рассказала. Приёмный отец начал приставать к ней, когда ей едва исполнилось двенадцать. Почти два года продолжались домогательства, и никто не догадывался. Даже приёмная мать. При этих словах Ершов передёргивается. У него лично сложилось впечатление, что она обо всем знала или догадывалась, но она это отрицает. Пусть это останется между нами, доказательств все равно никаких.

– Что теперь будет с Яной?

Ершов пожимает плечами.

– Наверно, отправят обратно в интернат. Эх, жалко девчонку. Что с вами?!

Замызганная чашка с растворимым кофе, которую я крутила в руках, летит на пол, разбрызгивая горячую жидкость по моим сапогам и деревянному полу. Я сижу, разинув рот и выпучив глаза, и не могу вдохнуть. Невидимая сила сжала горло, перекрыв доступ воздуха. Я задыхаюсь, перед глазами пляшет светящееся пятно с рваными краями. Ершов бестолково мечется вокруг, зачем-то бьёт меня по спине. Как ни странно, это помогает.

Давление на горло исчезает, я с шумом втягиваю воздух. Перед глазами всё ещё качается силуэт со скошенной на бок головой, черный на фоне светящегося пятна.

Когда я снова в состоянии говорить, то прошу Ершова поехать к Яне, прямо сейчас. Как можно скорее. Потому что она в опасности. Долго уговаривать его не приходится. Мы садимся в новенький черный Рено и мчимся по тёмным улицам. Останавливаемся перед знакомым мне домом, в окнах горит свет.

Я остаюсь в машине, Ершов стучится в дверь. До меня доносятся голоса: спокойный Ершова и истерически-громкий – женский. Женщина кричит, я разбираю отдельные слова: «оставить в покое» и «совсем совесть потеряли».

Ершов возвращается сконфуженный. Мы сидим какое-то время молча, Ершов не упрекает меня, но его молчание красноречивее слов. Потом он подвозит меня до дома. Мне хочется оправдаться, но я не знаю, где найти понятные слова. Да, сейчас с Яной всё в порядке, если это можно так назвать. Но моя тревога не улеглась, а, наоборот, возросла. Дело в том, что время – оно как коридор. Мы движемся по нему, но то место, куда мы идём и то место, откуда мы вышли, существуют прямо сейчас. То, что я увидела, может случиться завтра, через неделю, через секунду.

А в восемь утра Ершов звонит и хмуро сообщает, что Андрея нашли повешенным. По предварительным данным – самоубийство. Сейчас у него дел по горло, он он обещает перезвонить позже.

Я даже не сразу вспоминаю, кто это. Андрей совершенно вылетел у меня из головы. Как такое могло случиться? С чего я взяла, что в опасности Яна, а не Андрей? А ведь я видела, что

с парнем что-то не так. Чувствую себя просто ужасно: глупой и никчемной. Я долго размышляю и, кажется, понимаю, в чем дело. Мои мысли постоянно крутятся вокруг Яны. Ее одиночество я ощущаю как свое собственное, ее отчаянный крик при нашей встрече все еще отдается у меня в ушах.

Потому и ошиблась.

И тут я вспоминаю, что еще не заглянула в тетрадь. Меня ждет сюрприз: красное сердечко, а под ним – выведенные знакомым мне старательным почерком слова.

Ты в моём сердце

Я в твоём сердце

Только вместо слова «сердце» – маленькое сердечко.

Что это – валентинка? Признание в любви? Утешительный приз? Или очередная подсказка? Может быть, намек на то, что Диана и Андрей теперь соединились в любви и покое? Даже смерть их была похожа – от удущья.

Мне не сидится дома, на душе беспокойно и муторно. Не могу себе представить, что после всего случившегося Яна, как ни в чём не бывало, ходит в школу. Наверняка она дома, если только её не забрали сотрудники опеки. Я решаю прогуляться и проверить, а если повезет – то и поговорить с Яной.

И снова, как в прошлый раз, застываю в нерешительности перед домом, который меня пугает. В окне за тюлевой занавеской мелькает женская фигура. Дверь распахивается, на крыльцо выходит женщина лет сорока. У нее приятные черты лица, опухшие слезящиеся глаза, губы скорбно сжаты. Изображение начинает двоиться, сквозь видимое проступает скрытое. Приступ головокружения заставляет меня схватиться за косяк. Я слегка смещаю фокус зрения, так что на женщину смотрит теперь мой левый глаз. И вижу другое: не лицо, а неподвижную, лишённую любого человеческого выражения маску, вместо глаз – дыры, в которых зияет мёртвая, чёрная пустота.

– Вам кого? – спрашивает маска, не раскрывая рта.

– А Яна дома? Можно с ней поговорить?

– А вы кто?

– Я... просто знакомая.

– Что-то я вас раньше не видела.

Двоение резко прекращается. Я снова смотрю в тусклые слезящиеся глаза женщины.

– Яны здесь нет. И не будет. Не приходите больше.

Голос её равнодушен, лицо лишено выражения. Приёмная мать Яны пытается захлопнуть дверь перед моим носом, но я придерживаю её рукой.

– А где она? С ней всё в порядке? Скажите, где я могу её найти, и я уйду и больше не буду вас беспокоить.

Женщина размышляет секунду и говорит брезгливо:

– Она в областной больнице. В психиатрии.

Дверь захлопывается. Я спускаюсь с крыльца и стою, растерянно уставившись на дверь. В голове пусто. В глаза бросается серая краска на двери – совсем свежая. Такой же краской покрыты рамы и резные наличники. Я достаю из сумки тетрадь, нахожу рисунок дома, сравниваю, и в голове щёлкает: я нашла этот дом.

– Вам нужно еще раз поговорить с Яной.

– Что, опять? Что на этот раз?

Ершов отвечает нетерпеливо и раздражённо, в трубке слышатся посторонние голоса.

– Я думаю, что она соврала. Она виделась с Дианой в день ее смерти. Диана была у неё дома.

Пауза.

– Это снова одно из ваших... озарений?

– Ну... да.

Раздражённый вздох.

– Слушайте, мне сейчас не до этого. Тут ребята в комнате Андрея нашли много всего интересного. Думаю, это он убил Диану. Все сходится.

Он рассказывает мне о найденных наркотиках и курительных смесях. О стихах в компьютере: все сплошь про сатану, агонию и смерть. О прощальной записке, которую можно толковать как признание.

– Но зачем ему было убивать свою девушку?

– А кто его знает. Может, поссорились. Парень повёрнут на смерти и сатанизме. Почитали бы вы его стишки...

– А что было в прощальной записке?

– Точно не помню, там по-английски. Типа, мы убиваем тех, кого любим.

– «Кто трус – поцелуем, кто смелый – ножом, но мы все убиваем тех кого любим». Оскар Уайльд.

– Чего? Слушайте, извините, мне сейчас правда некогда.

– Понятно.

– Всего хорошего. Вы нам очень помогли, – добавляет он торопливо, прежде чем отключиться, и я понимаю, что в моей помощи больше не нуждаются. Похоже, расследование для Ершова закончилось.

А моё продолжается. Оно похоже на постоянный спуск, погружение на самое дно кошмара.

Кирпичные корпуса дореволюционной постройки разбросаны без всякой системы: застывшие во времени, почти величественные в своей обветшалости. На всех дверях – замки, на всех окнах – решётки, и нигде ни вывесок, ни указателей. Я прохожу мимо двухэтажного здания без номера, обнесённого высоким забором с колючей проволокой. За корпусом номер тридцать один следует корпус восемь, затем три и одиннадцать. Мне нужен девятый. Я могла бы проблуждать здесь много часов, если бы я не знала дорогу. Я помню, где находится девятый корпус. Несмотря на все попытки забыть.

Это место кишит призраками и нечистью всех мастей. Они скалятся с зарешеченных мутных стёкол, выглядывают из-за колючей проволоки, высовываются из круглых чердачных окон. Я прикрываю ладонью левый глаз, чтобы не видеть их.

В корпусе номер девять, открытом для посещений, густая вонь ударяет в нос. Яростная, незабываемая смесь запахов мочи, экскрементов, хлорки и немых тел. Я едва пересиливаю желание уткнуться носом в рукав и броситься вон, на свежий воздух, бежать от этого места сломя голову.

Нам разрешают поговорить в столовой, которая в это время пустует. Без косметики Яна выглядит моложе и беззащитней. Когда она видит меня, на ее лице не отражается ничего. Она садится напротив меня за стол, накрытый клеёнчатой скатертью, и когда она наклоняется, в разрезе больничного халата блестит тоненькая цепочка.

– Здравствуй, Яна. Как ты себя чувствуешь?

Глупый вопрос. Уж мне ли не знать, как ты себя чувствуешь.

– Здесь плохо. Я хочу домой. У вас нет сигарет?

– Сигарет нет. Посмотри-ка, что я тебе принесла.

Я достаю подарок – купленную по пути мягкую игрушку. Взгляд девочки оживляется.

– Ой, обожаю овчарок. Как вы узнали?

– Просто увидела и подумала, что тебе понравится.

– Спасибо!

Она берёт игрушку и прижимает к груди, отчего начинает еще больше походить на ребёнка.

– В прошлый раз мы не успели толком поговорить. Я журналистка, пишу статью про Диану, помнишь?

Яна кивает. Я совершенно спокойна и сосредоточена, вся моя нервозность испарилась. Я ловлю её взгляд, цепляюсь, начинаю погружение.

– Диана была твоей лучшей подругой. У вас, наверно, не было секретов друг от друга?

– Мы были как сёстры. У нас даже был свой язык, который никто кроме нас не понимал. Я скучаю, мне так плохо...

– Ты рассказала ей про твои... отношения с отцом?

– Да, только ей одной. Она поклялась никому не говорить.

Я начинаю видеть, пока ещё плохо: будто разглядываю фотографии плохого качества сквозь мутное стекло. Вижу двух девочек на высоком берегу реки, обе с косичками; они сидят рядышком, тесно прижавшись и соприкасаясь головами.

Те же девочки, уже постарше, одетые в похожие розовые курточки и розовые кеды идут по обочине дороги, взявшись за руки, пытаются тормознуть попутку. Одна из них показывает средний палец вслед проносившемуся мимо автомобилю.

Снова на берегу. Одна головка стала черной, волосы рваными прядями падают на лицо, вокруг вьётся дымок сигареты. Девочки держат что-то в ладонях: тоненькое, серебристо мерцающее. Две цепочки, на каждой – кулон, формой похожий на изогнутый лепесток. Соединяясь вместе, лепестки образуют сердце. Я в твоём сердце, ты в моём. Теперь рисунок и надпись обретают смысл. Значит, вторая половинка была у Дианы.

– О чем вы говорили, когда Диана пришла к тебе в тот день, незадолго до смерти?

Ее взгляд стекленеет, лицо застывает. Как будто захлопнулась дверь.

– Она ко мне не приходила.

А я говорила тебе, какой он. Говорила, что он тебя не стоит. Парням нельзя верить. Почему ты меня не послушала? Вот и плачь теперь.

– Она плакала?

Ты клялась, что мы всегда будем вместе. Нам было так хорошо вдвоём. А потом променяла меня на него. Зачем ты так сделала, ты же знала, что я тебя люблю.

– Что было потом, Яна? Что ты сделала?

Ты говорила: плевать на глупые правила. Для любви нет границ. Пусть хоть весь мир будет против нас. Ты меня предала, но я прощаю тебя. Теперь все будет как раньше.

Яна начинает сонно покачиваться, полузакрыв глаза. Она молчит, но я и так все вижу: объятия и поцелуи, неловкую сцену, когда Диана отталкивает её и отворачивается, сжатые кулаки, с трудом сдерживаемые слёзы; я чувствую ее стыд, жгучую обиду, ярость, боль.

– Потом ты пошла проводить ее до трассы короткой дорогой через лес. Она решила уехать, поймать попутку, так? К каким-то родственникам. Не хотела домой, потому что там пьяная мать. Вы шли, разговаривали, потом Диана сказала что-то обидное. Например, что детские клятвы – это глупость, нельзя же всерьёз в них верить, пора уже повзрослеть. Я права, Яна? Так все было?

Яна отрицательно качает головой.

Вы ничего не знаете. Ничего не докажете. У полиции нет ни одной улики.

Сквозь сонную маску проступает её другое, истинное лицо, с каждым мигмом всё отчетливее. Я вижу настоящую Яну: развращённую, циничную, торжествующую. Она не сожалеет о том, что сделала, она гордится тем, что переступила границу, установленную ненавистным миром.

Демоны вырвались на свободу, пустились в пляс, скалятся, хохочут, ликуют. Должно быть, психиатры называют это безумием. Я называю иначе.

Не знаю, чего во мне больше – отвращения или жалости. Она убийца, но она и жертва. Её никто никогда не любил, кроме бедной Дианы.

– Знаешь, когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, мне тоже приходилось несладко. Отец пил, а мачеха надо мной издевалась. Помнишь сказки про злую мачеху? Вот у меня было почти так же, только хуже. Она даже упекла меня однажды в эту самую больницу, представляешь? Я провела здесь несколько месяцев, в этом корпусе, на втором этаже. Может быть, в той же самой палате, в которой ты сейчас лежишь.

Рот Яны приоткрывается от удивления.

– Было одно место, где я могла спрятаться – у бабушки, папиной мамы. Она одна относилась ко мне хорошо. Когда делалось совсем невмоготу, я приходила к ней. Ее дом был единственным местом на земле, где я чувствовала себя в безопасности. Где мне ничто не угрожало. Где меня не могли оскорбить или ударить.

– У меня тоже есть бабушка, – шепчет Яна. – Хоть она мне и не родная. Когда мне плохо, я прихожу к ней. Делаю уроки или смотрю телевизор. Она меня не прогоняет.

– Она живет недалеко от школы? В доме с зеленым забором?

– Да, а откуда вы знаете?

Откуда? Да просто я увидела его твоими глазами и сразу узнала. Ведь и я когда-то ходила из школы той же дорогой. Дом казался мне таинственным и необитаемым, потому что утопал в непролазных зарослях. Он всплыл в памяти во всех деталях, с тусклыми темными окнами, покосившейся пристройкой и черной дырой чердачного окна.

– А еще я устроила в бабушкином доме тайник для сокровищ. На чердаке.

Такое вот совпадение. Ее глаза на миг удивленно расширяются, затем снова стеклянеют. Девочка хорошо соображает и быстро реагирует, несмотря на лекарства, которыми ее напичкали.

– Ты спрятала вещи на чердаке, да, Яна? Зачем они тебе понадобились? Ты ведь все равно не сможешь их носить.

– Я хочу спать...

Она встает, поворачивается ко мне спиной и нетвердой походкой направляется к выходу.

– Ты хорошо откормила своих демонов, Яна, – говорю я ей вслед. – Таких жирных демонов я давно не встречала.

У меня остаётся лишь одно последнее дело. Я петляю меж оградок, приветствуя знакомые с детства лица. Чувствую себя так, будто пришла навестить старых друзей. На бабушкиной могилке мир и покой. Там, где она сейчас, ей хорошо, и место это очень далеко. Поэтому я не задерживаюсь здесь надолго и иду в другую часть кладбища.

С овальной фотографии улыбается милое полудетское лицо в нимбе пушистых волос. Это то, что я вижу правым глазом. К счастью, земля еще не успела промёрзнуть. Рукой в перчатке я выкапываю рядом с надгробием небольшую ямку, кладу туда цепочку с кулоном и аккуратно придавливаю землёй. Возвращаю украденное. У мертвых свои причуды.

– Вот твой кулон, Диана. И не переживай за подругу. Если даже правда и выйдет наружу... Яну в любом случае признают невменяемой.

Девушка, которую видит мой левый глаз, проводит рукой по шее, тоненькая цепочка вспыхивает серебристым блеском.

Какое это счастье и какая мука: вернуться в свой худший кошмар, зная, что он не властен над тобой. Вернуться свободным, зная, что в любой момент можешь сорваться с места. Чтобы побросать в сумку пожитки, требуется лишь несколько минут. И вот я уже сижу в автобусе, который увозит меня прочь от города. Чем дальше – тем легче мне дышится.

В пути меня настигает звонок: Ершов. Яна сбежала из больницы сразу после разговора со мной. Из больницы позвонили ее матери, а та – следователю, причем кричала так, будто речь не о девочке-подростке, а об опасном маньяке. О чем я говорила с Яной и зачем, черт побери, меня туда понесло?

– Я, кажется, знаю, почему она сбежала. И знаю, где она спрятала вещи.

– Какие вещи?

Я рассказываю о тайнике на чердаке, но умалчиваю о том, что уже побывала там и взяла кулон: он лежал в кармане розового рюкзачка. Не знаю, верит мне Ершов или нет. Если им повезёт, Яну поймают, когда она будет перепрятывать вещи. Она ведь поняла, что мне известно про её тайник. А мне до этого нет больше дела.

Я всегда обожала детективы. В детективных романах смерть – не трагедия, а часть головоломки. Убийца всегда будет найден, справедливость восторжествует. В жизни всё иначе. Я не испытываю радости, разгадав головоломку. Зло нельзя победить. Можно лишь заглянуть ему в глаза, погрузиться в самый мрак, на самое дно, оттолкнуться от него и всплыть на поверхность, задыхаясь и жадно глотая воздух.

Я достаю из сумки тетрадку, бережно листаю, перечитываю и пересматриваю. Чистых страниц осталось совсем мало. Чувствую себя осиротевшей, словно потеряла кого-то родного и близкого. Поддавшись внезапному импульсу, пишу: «Где ты?»

За окнами мелькают голые стволы деревьев, глаза слипаются. Когда прихожу в себя – уже стемнело, автобус стоит: очередная остановка рядом с очередным захудалым автовокзалом. Сиденье рядом со мной опустело, в окно льется свет фонаря.

Открытая тетрадь так и лежит у меня на коленях. И сердце вновь подпрыгивает от радости при виде знакомого почерка. Пока я спала, появились две новые строчки.

Игра игрой сменяется,

Кончается игра.

А дружба не кончается, ура, ура, ура, всплывает в памяти окончание детского стишка.

Автобус трогается, пустая привокзальная площадь уплывает вправо и назад. Гаснет последний отблеск фонаря. А я глупо улыбаюсь, глядя в непроглядную заоконную тьму.

Связанные смертью Владислав Кукреш

Чёрная «мазда» разбила стекло автобусной остановки, визжа шинами, разрезала грязный сугроб и вдавила тело случайного прохожего в кирпичную стену. В этот полуночный час город спал, и происшествия никто не заметил. Тем более, что уличный фонарь, который нависал над головой раздавленного мужчины, мистически погас – в тот самый миг, когда хрустнули сжатые в тисках пятиэтажки и автомобиля кости.

Звуки трагедии растаяли в ночи, словно голодные тучи всосали их следом за звёздами. В последующие минуты лишь сдавленные хрипы бросали тишине вызов. Ни отчётливо застонать, ни тем более закричать Василий Сомов не мог.

Он знал, что скоро умрёт, и больше ни о чём не думал. Прочие мысли словно вымыла из черепа кровь, толчками забившая из проломленной головы.

Дрожавшие пальцы беззвучно скребли по капоту, размазывая слякоть. Сомов чувствовал дыхание смерти, её необратимое присутствие: в воздухе и бликах света, в тенях подсознания и силуэтах окружающего мира, в водоворотах боли, которые смешивали в воспалённом мозгу несбывшиеся надежды и реальность.

И пусть соображал он плохо, зато знал: на перемолотых ногах далеко не уйдёшь – даже если каким-то чудом вырвешь тело из западни. Да и на помощь никто не придёт. Не в это время суток. Не в этом забытом богом районе. Не от «добрых» людей, которыми славен этот город испокон веков. Они всегда плевали на всех и вся.

Когда приходит конец, его ни с чем не спутаешь. Ему ли ни знать?

Что-то блеснуло на капоте, и скребущие метал руки замерли. Сомов пришёл в себя – словно вынырнул из-под толщи толстого, непроницаемого для солнца льда.

Нестерпимую боль сменили спокойствие и лёгкость. Кажется, отодвинь машину – и воспарит тело к небу, подобно голове одуванчика под ласковым ветром. Такое просветление иногда посещает людей в последние минуты: они с достоинством прощаются с близкими, произносят исполненные глубокого смысла речи, дают наставления детям.

Но что мог сделать Вася Сомов, невезучий прохожий, которого японская иномарка впечатала в глухую стену, и кругом – ночь?

Бегло глянув на упавшие в снег мандарины, которые так и не получит к юбилею капризная жена, мужчина перевёл взгляд на небольшой предмет, тот самый, что случайно вырвал его из бездны боли. Мобильник.

На чёрном капоте лежал сотовый – старенький «Сименс» шестьдесят пятой модели – привет из далёких нулевых. Судя по впечатляющей дыре в лобовом стекле, череп у водителя был крепким, а ремни безопасности – не очень. Допотопный сотовый, вне всякого сомнения, принадлежал именно хозяину когда-то великолепной «мазды».

Тело лихача пропало. Возможно, он незаметно улизнул с места ДТП, возможно – из последних сил вполз в салон автомобиля. Мёртв мерзавец или нет – Сомова не волновало.

Прижатый к стене он поднял сотовый. Вспыхнул жёлтым экран.

Кого побеспокоить? Какие номера подсказывала память?

Может, позвонить в скорую?

Ха! Когда приедет врачебный десант – спасать будет некого.

Набрать жену и извиниться за то, что накануне праздника оставил без мандаринов?

Можно, конечно, но Сомов сомневался, что вспомнит все цифры номера.

Неожиданно Василия осенило. Он понял, кого наберёт в конце: если не убежавшая с кровью в снег жизнь, то хотя бы смерть обретёт смысл.

Непослушные на морозе пальцы застучали по кнопочной клавиатуре.

Этот номер ему подарили случайно – очень давно и на слух, а он его, конечно, забыл и потом проклинал себя многократно. Вспомнил лишь сейчас, годы спустя – когда тело в буквальном смысле размазали по стенке. Только, что в последние секунды сказать в трубку? Хватит ли отведённого времени? Может...

Долгие гудки.

* * *

Последующие события, образы, люди – надолго оторвали его от устаревшего мобильного. Больница. Она пришла сразу после долгих гудков – её он опознал, едва разлепив глаза. Эти слепяще белые стены вызывали тревогу, и врачи сменяли друг друга всякий раз, когда Василий требовал прислать «компетентное лицо, которое не врёт».

Доктора с ним говорили разные: от молодых, бойких специалистов, до убелённых сединами мудрецов со всё понимающими глазами и приветливой улыбкой. Но правду не говорил никто.

– Да говорю вам, мои ноги смяли в кашу! Не чувствую их совсем, а это под одеялом – чёртовы протезы! Я никогда не смогу ходить! – кричал Сомов. – Я не дурак, и память у меня что надо. Скажите правду! Зачем все эти сказки?

В больнице не понимали возмущения пациента и терпеливо объясняли: ног Василий Олегович не чувствует потому, что местный наркоз не отпускает, а перелом стопы – уж точно не отправит его в инвалидное кресло, тем более – на всю жизнь. Такие травмы, талдычили врачи, проходят быстро.

– Вы опознали водителя, который меня сбил? – позже прямо с больничной койки допрашивал следователей Сомов, названивая им по одолженному у соседа по палате смартфону, – такие типы не должны разгуливать на свободе!

– Василий Олегович, мы уже столько раз вам говорили, что не было никакого ДТП. Возле остановки, где вас нашли – не обнаружили ни следов колёс, ни покорёженного автомобиля. Да и сама остановка цела. Скорее всего, виноват гололёд. Вы поскользнулись, неудачно упали, сломали ногу и стукнулись головой.

– Хотите сказать, что я всё выдумываю?

– Ну... Вы же сами сначала говорили, что обе ваши ноги – всмятку, а теперь, как уверяют врачи, резво по всей больнице на костылях бегаєте – работать серьёзным людям мешаете. Одна нога всего-то в гипсе, да и то – через несколько недель снимут.

– А как же сотовый, что вам передали? Смогли найти владельца? Все ответы – в нём!

– Ах, вы по его поводу звоните... В нём нет даже рабочей симки. Раздел «Контакты» пуст. Во «Входящих» и «Принятых» сообщений нет. Возможно, когда вы упали, то повредили устройство.

– Что вы хотите сказать?

– Скорее всего, этот сотовый – ваш, просто у него, как и у его хозяина – небольшая амнезия. После удара об землю, так сказать. Так что, прошу вас не нервничать, но в угрозыск фантомы мы объявлять не станем. Доказательств и свидетелей – нет.

Жена Василия Сомова, рано начавшая сидеть полная женщина, которая красила волосы в ядовитый рыжий цвет и каждый месяц кардинально меняла причёску, за время, что мужа держали в больнице, почти его не навещала. А если и забегала, то совсем не с целью поведать о здоровье или скрасить серые будни. А чтобы рассказать, какой он бесполезный идиот.

Пока в один из таких визитов Маргарита Павловна на глазах у всей палаты отчитывала лежавшего в кровати Васю за неуклюжесть и бестолковость, припоминая все косяки бедолаги

за десять лет брака, Вася смотрел в окно – в плотную толщу холодного неба, изрыгавшего крупный мокрый снег, по ощущениям – куда более тёплый, чем любое адресованное ему слово.

Жена сетовала на то, что выходки мужа испортили ей тридцатипятилетие. За праздничным столом, дескать, царила «никакая» атмосфера, а все разговоры и расспросы только и были – как о самочувствии одного простофили, который накануне юбилея ногу на пустом месте сломал. Поставила Маргарита в вину Васе и возню со страховкой, больницей, полицией.

– Принеси заявления, заberi заявление, принеси улики, заberi улики, потому что они и не улики вовсе, а твой собственный мобильник...

– Сотовый. Тебе вернули сотовый? – часто заморгал, вдруг оборвал жену Василий. – Он при тебе?

Муж редко подавал голос, тем более, когда с ним разговаривала, или скорее – отчитывала, жена.

Не ожидавшая от него такой бестактности Маргарита Павловна секунд десять изучала его по-рыбьи выпученными глазами и, наконец, с недовольным ворчанием зашарила в сумочке.

– Второй день выгрузить забываю... На, держи, – она передала супругу мобильник. – Даже не знала, что ты такой развалюхой пользуешься...

Она продолжила поносить мужа и дальше. Говорила, как он подвёл коллег по бухгалтерскому цеху: сорвав сроки отчётности, лишил коллектив премии, а ей, замначальника производственного отдела того же предприятия – краснеть за него, да объяснять кадровикам почему в ближайший месяц-другой Вася на работу не выйдет.

Слушая всё это в пол уха, Василий Сомов лихорадочно шарил в настройках сотового. Он не держал его в руках с самого ДТП и теперь искал номер, который, как смутно припоминал, в последние секунды жизни набирал на клавиатуре.

Тщетно. Журнал вызовов чист. Но что ещё более удручало: он снова забыл Его – напроочь. Просто неуловимый номер какой-то...

Василий поправил подушку, уставшие веки накрыли глаза, но продолжавшая бухтеть жена даже не заметила, как внимание благоверного захватили картины прошлого.

Последние годы он всё чаще задавался вопросом: а что, если бы одна давняя позорно-неуклюжая попытка знакомства на остановке вылилась в нечто большее? Что, если бы он, прыщавый студент-второкурсник, не забыл номер девушки, которая, вдруг передумав, выставила голову из окошка уже отъехавшего автобуса и на всю улицу прокричала ему свой номер?

Как ветер рвал её каштановые волосы, застилая смеющееся с зелёными глазами лицо – он запомнил на всю жизнь, а вот треклятый номер – какие-то десять цифр! – забыл, пока набирался храбрости позвонить – всего за два дня. И это при том, что на даты и числа у будущего бухгалтера всегда была отличная память. Что это – судьба? Злой рок? Последствия пьяной вечеринки накануне?

А ведь всё могло быть иначе. Позвони, к примеру, он тем же вечером зеленоглазке, как про себя часто называл её – не было бы сейчас ни сломанной ноги, ни тоскливых больничных стен, ни крашенной в рыжий цвет Маргариты Павловны, ворчливой и раздражительной, как древняя старуха, которой одинаково опостытели и муж, и сама жизнь.

* * *

Выпавший из призрачного автомобиля сотовый вырвал Василия из глубокого сна, в который его нокаутировал язык супруги. Марго уже ушла, но перед этим пропесочила мужа как следует: совсем не удивительно, что он уснул прямо посреди обвинительного монолога.

Когда Сомов разлепил глаза, то некоторое время не понимал ни где находится, ни откуда льётся незнакомая, зато бодрая мелодия.

Один из пациентов палаты, читавший у окна газету, указал на лежавший у изголовья кровати мобильник, и сердце Василия застучало с удвоенной силой.

Накатило головокружение, во рту пересохло, и руки Сомова торопливо смахнули со столешницы сотовый. Всё его внимание поглотили цифры заветного номера, пылавшие на ярком, как расплавленное золото, экране. Те самые цифры, которые он имел ужасную привычку так некстати забывать.

– Я слушаю, – хрипло ответил он и что есть сил прижал сотовый к уху.

– Прощу прощения, – ответил женский голос. – Несколько дней назад вы звонили мне, причём – в довольно позднее время. Я только сейчас заметила пропущенный вызов...

Сомова прошиб холодный пот, и одновременно пожрало жаркое пламя волнения, в котором в одинаковых пропорциях смешались страх и надежда. Время сохранило голос зеленоглазки неизменным. Это была она. Сто процентов.

– Извините, я вас знаю? – не дождавшись ответа, спросила незнакомка.

– В какой-то степени, – выдавил Сомов. – Однажды мы познакомились на остановке. Давным-давно. Вы, наверное, и не помните...

– Смешной пацанчик в зелёной куртке и с шарфом «ЦСКА», что ли? – пришёл скорый ответ.

– Как ты? Как запомнила? Как узнала, что я – именно я – тот самый эээ «пацанчик»?

– Думаешь, я со всеми на остановках номерком делилась? Дала только тебе, вроде бы, – ответила незнакомка. – Ты чего замолчал? Всё ещё на связи?

– Не думал, что так легко вспомнишь.

– А я – не думала, что позвонишь! Где ты был все эти годы? Нет, когда я дала тебе номер, то понимала, конечно, что ты возьмёшь день-другой, чтобы выпить для храбрости, набраться смелости и, наконец, позвонить. Но, чтобы набираться этой самой смелости почти... двадцать лет!

– Хм. Я просто номер забыл, – неохотно признал Сомов.

– И как ты мог? С виду такой смыслённый, а в номере почти одни пятёрки да ноли! – воскликнула незнакомка и, не дождавшись реакции, добавила. – Хорошо, конечно, что вспомнил. Лучше поздно, чем никогда. Мы, кстати, так и не представились. Меня Аней зовут.

Вот он и узнал имя зеленоглазки.

– А я – Вася, можно просто – Василий. То есть просто – Вася...

– Хорошо, просто Вася, – рассмеялась Аня. – А ведь имя тебе очень идёт!

Они разговаривали больше часа. Сомов забыл и про жену, и про растаявший в ночи, покалечивший его автомобиль. Вылетела из головы и больница с её обитателями разной степени инвалидности. Последние, впрочем, не упустили шанса о себе напомнить – когда решили поспать.

После двух-трёх покашливаний и одного откровенно неуютного взгляда от ветерана Чеченской войны Василий осознал нужду коллектива: пожелал Ане добрых снов и отложил сотовый. Его не пугало говорить с ней у всех на виду. Кто вздумает выдать жене этот секрет? Все в палате видели Марго, так сказать, в действии: если найдётся мужчина, который надумает изменить такой мегере, завести на стороне интрижку – порицать его никто не станет. В случае такого бедолаги неверность – и не грех вовсе, но святая обязанность. Пусть даже связанная с риском.

Рисковать, впрочем, было ради чего. Подумать только: с женщиной, которую не видел полжизни, которую знал всего несколько минут, он нашёл столько общего! Поговорили о разном. О себе, впрочем, Вася только про ДТП с костылями вспомнил, зато куда более словоохотливая Аня рассказала о студенческих годах, увлечении масонской архитектурой провинциального города, поездках в Европу. Единственное, что настораживало – избегала упоминать сегодняшний день.

Была ли она недовольна тем, в каком направлении катится жизнь? Искала ли ответы в прошлом, как это часто проделывал её новый старый знакомый? Скоро он это узнает.

Утром, лишь только тусклое мартовское солнце выглянет из-за облезлых спин хрущёвок, верные костыли понесут Василия Сомова на их первое с зеленоглазкой свидание. И ни гололёд, ни метель с сильным ветром не помешают инвалиду достичь цели.

Она будет ждать его у себя на квартире, адрес которой сбросила по СМС. Романтик средних лет зазубрил его наизусть – на случай, если ночью кто-то вздумает стащить допотопный сотовый, или электронное сообщение случайно падёт жертвой программного сбоя в мобильном устройстве.

* * *

В больнице его удерживать не стали. Захотел пациент на прогулку – почему бы и нет? Для реабилитации только плюс. По правде говоря, врачи вообще не понимали почему Василий Олегович всё ещё в стационаре – с одинаковым успехом мог бы и дома выздоравливать. Но не скажешь же открыто, что он общества жены избегает?

Лишь только Василий кое-как влез в автобус и положил на свободное место букет роз, с ним связалась Аня. Хотела узнать не сбился ли с пути, а в итоге заговорились так, что Сомов едва не проехал мимо её дома.

Сойти на нужной остановке ему помогли отзывчивые пассажиры. Раньше Васе никто и никогда безвозмездно не помогал, а тут вот так – запросто.

А дальше на него напал такой мандраж, что не все детали сохранила память: быстрая пробежка по гололёду, скормленный домофону номер желанной квартиры, и – вперёд мимо лифта, о котором Василий даже не вспомнил. Взлетая на третий этаж, он уже не понимал: то ли костыли несут его, то ли это он сам зачем-то тащит с собой две неуклюжие палки...

Наконец! Сунув цветы подмышку, Сомов облизнул губы, и кнопка звонка пала под напором большого пальца. В недрах квартиры зазвучали шаги. Пока они становились громче, Вася что есть сил стискивал костыли – вдруг накатившая слабость чуть не опрокинула на коврик для ног.

Петли едва слышно скрипнули, и в дверном проёме возник мужчина лет сорока с глубокими залысинами и тусклым взглядом.

А ведь Аня прямым текстом говорила, что будет одна!

– Здравствуйте. Вы, простите, кто? – спросил незнакомец.

– Я... друг Ани. Вася – неуверенно ответил Сомов. – А вы, простите?

– А я её брат, Андрей, – ответил мужчина и указал себе за спину. – Входите. Можете не разуваться.

Сомов неуверенно помялся на пороге.

– Вам помочь? – услужливо предложил Андрей.

– О, нет-нет, сам справлюсь.

* * *

– Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, – сказал в прихожей Андрей и с грустью добавил. – Есть что-то неправильное в том, чтобы заводить знакомства на похоронах.

– Что вы имеете в виду? – спросил Сомов, которого увиденное совершенно сбilo с толку.

Квартиру наполняли люди – в верхней одежде и обуви. Причём, многие, как и Сомов – с цветами. На взгляд человек пятнадцать. Лица каменные, на разговоры никого не тянет – на вечеринку не похоже. Местами на полу лежали лужицы талого снега – гости занесли...

– Скажите, Василий, – спросил Андрей. – Когда вы в последний раз видели Аню?

– Двадцать лет назад, – честно ответил Сомов.

– Ого. А я-то думал, что мой рекорд никому не побить. Я не видел её года три... Но для меня это особенно непростительно. Всё-таки – брат. Всё-таки – единственный близкий родственник. Будь я рядом, окажи поддержку... Эта проклятая работа в Сибири, новые и новые проекты буровых, командировки для обмена опытом – как старшему инженеру, пропускать их просто невозможно. А ещё – жена, дети, закрутилось, завертелось... А сестра всё это время здесь. Одна. По телефону говорила, что всё хорошо, а на самом деле всё катилось, сами знаете куда.

Пока Андрей говорил, Сомов делал попытки найти рациональное объяснение происходящему. Может, он этажом или номером квартиры ошибся? Может, улица не та? Или всё происходящее – всего лишь розыгрыш, а у его зеленоглазки нестандартное чувство юмора. Вдруг, она всё это спланировала: пригласила друзей, заставила так называемого Андрея зазубрить несколько строк, а сама в соседней комнате смешки давит?

Затравленный взгляд Василия выцепил на стене фотографию Ани в компании молодого брата: знакомые каштановые волосы, улыбка от уха до уха. Квартирой он точно не ошибся. Рядом со снимком десятилетней давности висел какой-то диплом. Руки сами сняли его с гвоздика. Выдан одиннадцатикласснице Анне Румянцевой за победу в общероссийском конкурсе чтецов.

– Неплохо, правда? – сказал Андрей. – У неё всегда был талант к сцене. Поступила, впрочем, на журфак, потом работала в каком-то областном издании. Кто бы мог подумать, что всё приведёт к затяжной наркомании с передозом? Ох, простите...

Андрей вынул из кармана жужжавший смартфон, ответил на вызов, а затем коротко объявил: машины на месте, больше никого ждать не будем – все на выход.

Без помощи незнакомых людей Сомов непременно растянулся бы по дороге к ожидавшим внизу такси: или на лестничной площадке, или в лифте, или уже на улице. В сломанной лодыжке вдруг вспыхнула боль, мышцы затопила слабость – на улицу его выводили под руки.

С каждой секундой он чувствовал, как погружается в кошмар всё глубже – словно тонет в зыбучих песках, и помощи ждать неоткуда. Чувство безысходности пирило на останках надежды. После стольких лет беспросветного, тоскливого прозябания в одной норе с Маргаритой Павловной ему подарили надежду на лучшую жизнь, а затем растоптали её, разорвали в клочья.

Когда всех их высадили у ворот городского кладбища – Сомова уже ничто не удивляло.

Несколько минут он молча топтал снег вблизи аккуратно расчищенной могилы. На надгробии – ФИО зеленоглазки, даты рождения и смерти, а также – фотография по самому центру, взятая со студенческих времён. Это определённо она, девушка с остановки.

Долго смотреть на неё Сомов не мог: оставил цветы в общей куче, и поковылял к скамье, которую замело снегом. Расчищать ничего не стал – просто вдавил тело в рассыпчатое покрытие. Костыли легли рядом. Последующие отчаянные попытки переосмыслить произошедшее, расставить всё на свои места – ничего не дали.

Через полчаса никого, кроме Василия, на кладбище не осталось. Хотели и Сомова прихватить, чтобы не задубел от холода, но он сказал «нет», упёрся, и его оставили в покое.

Когда «Сименс» стал подавать признаки жизни, Василий лишь печально улыбнулся. Судя по информации с экрана, звонила покойная – кто ж ещё? Долгое сидение на морозе не прошло даром: он разгадал загадку зеленоглазки, и планировал поступить, как советовала совесть.

– Ты куда пропал? Я уже третий час тебя жду... – начала Аня.

– Скажи честно, ты – призрак? – оборвал он её. – Призрак, который пришёл мучить меня за ошибки молодости...

– О чём ты говоришь?

– Тут может быть только два варианта, понимаешь? Или я сошёл с ума, или ты – призрак. Но первый вариант отметём сразу, так как бухгалтерà, по типу вашего покорного слуги Василия Сомова, с ума не сходят. По крайней мере, мне такие случаи неизвестны. Это удел поэтов и всяких неординарных личностей. Куда мне до них? Значит, ты – призрак.

– Вася, ты меня пугаешь... И логика у тебя странная.

– Так это я тебя пугаю? – воскликнул Сомов. – Знаешь, куда меня привезли? На кладбище! Метрах в тридцати – твоё надгробие. Ты умерла, понимаешь? Почти месяц тому назад.

– Ничего не понимаю. Объясни, пожалуйста. Может, это у тебя последствия того случая, из-за которого ты в больницу попал? Мне кажется, ты бредишь... С тобой всё в порядке? Ты сейчас где? Сейчас такси вызову!

– Вряд ли вызовешь, Аня. Как бы помягче сказать, но такси с мертвецами дел не имеют...

За какие-то пять минут Сомов вывалил на Аню всё, что узнал о её смерти. По дороге на кладбище рядом с ним в машине сидела корректор газеты, где одно время работала подававшая большие надежды выпускница Румянцева. Язык у пожилой женщины был воистину без костей.

Покойную, оказывается, нашли в каком-то наркоманском притоне, причём – без документов. Оpozнание провести не смогли и захоронили там, где обычно бомжей хоронят. Если бы Анины соседи по лестничной площадке скоро не зашумели, то судьба по-тихому пропавшей одинокой женщины ещё долго могла оставаться тайной. Дело в том, что в оставленной ею квартире сутки напролёт стали орать голодные кошки, а потом – умирать одна за другой. Стало пованивать. Дверь взломали, хозяйку не нашли. Прилетел брат. Он провёл настоящее расследование: вышел на друзей-наркоманов, на тот притон, наконец – в полицейском участке подтвердил по фотоснимкам, что покойная – его сестра.

– Андрей в рекордные сроки тебя перезахоронил, нашёл через соцсети друзей, бывших коллег и всех собрал, чтобы более-менее достойно проститься. Кто тебя знал – привёл ещё друзей. Общее число не столь уж и велико, но всё же... Это не ошибка. Я не попал случайно на непонятно чьи похороны, а действительно был у тебя дома – по тому адресу, что дала именно ты. Румянцева. Ты ведь мне ещё не говорила своей фамилии, так? Я прочитал её с диплома, которым тебя наградили на конкурсе чтецов в одиннадцатом классе...

Как и ожидал Вася – реакции не последовало. Сброс вызова. Сеанс с потусторонним миром завершён.

– Покойся с миром, зеленоглазка, – сказал он в пустоту.

* * *

Сомов так и не оставил сотовый на Аниной могиле. В последний момент передумал и сунул в карман – мало ли чего? Несмотря на попытки выбросить зеленоглазку из головы, вернуть мир на круги своя – притихший мобильник продолжит тревожить мысли и всегда будет под рукой.

В больницу Вася пришёл мрачнее грозовой тучи и в тот же вечер узнал, что его выписали. Отправили на лечение домой с указанием каждые две недели навещать врача.

Жена встретила мужа в привычной манере: недосолённым борщом и парой ласковых. Оскорбления его не удивили и не шокировали – ничего нового. Он снова окунулся в привычную атмосферу из уничижительных намёков, упрёков и нескрываемого презрения. То, что с этим жить вполне можно, подтверждали прошедшие после штампа в паспорте десять лет.

Заряд выпавшего из чёрной «мазды» сотового неумолимо иссякал. Интересы ради Сомов попробовал взбодрить аккумулятор зарядным устройством от мобильного с похожим разъёмом, но ничего не вышло: телефон для контакта с вездесущим нуждался во вездесущих же аксессуарах. Только где их возьмёшь?

Может, оно и к лучшему, думал Сомов. Когда «Сименс» умрёт – умрут тайные желания, что все эти годы мешали наслаждаться жизнью. Может, не такая уж она серая и никчёмная? Может, у него просто фантазии чересчур яркие, да требования завышены? Проще надо быть, сговорчивее, принимать то, что есть, а не грезить невозможным.

В тот полдень, когда после длительного перерыва позвонила Аня и спутала все планы, он вяло хлебал месиво, которое Марго чересчур оптимистично называла щами, и слушал новую теорию, почему они до сих пор бездетны, из-за чего жене неудобно смотреть в глаза окружающим.

Во всём виноват он – кто ж ещё? Виноват несмотря на то, что в медицинском центре проблемы обнаружили только у супруги. Дескать, будь на месте Васи Сомова настоящий мужчина, то, как пишут умные люди в интернете, чакры Маргариты Павловны вошли бы в резонанс с мужским Чи (или Пи), и тогда через механизмы эфирной достройки дефектных клеток проблем с зачатием не было бы никаких. Ну, а так как Вася – мужчина не настоящий, то ни о каком резонансе с достройкой не стоит и мечтать. Ясно как белый день: Васино Пи (или Чи) или недоразвито, или отсутствует с рождения.

При таком раскладе долго игнорировать оживший в штанах сотовый Сомов не мог. Бредни жены опостытели совершенно. Лучше пусть Анин призрак, осколок похороненных надежд, терзает душу, чем слушать такую ересь. Соврал, что суп очень вкусный, «но что-то живот крутит и нужно глотнуть свежего воздуха» Вася оставил Маргариту Павловну в компании настоящих мужчин из бразильского сериала, который так кстати запустили телевизионщики. Ящик на время вырвал непутёвого мужа из области её внимания и подарил шанс на разговор без лишних ушей.

Он знал, что история с Румянцевой не завершена. Знал, что, как минимум, будет ещё один звонок и заготовил целую лекцию: о том, как неэтично призракам мучить живых, покойся с миром, всего хорошего, я тебя никогда не забуду и так далее. Но едва он вышел на балкон и поднёс сотовый к голове, как Аня перехватила инициативу – не дала даже слова вставить.

– Вася, во-первых, прости, что в прошлый раз бросила тебя, не сказав прощай – прошу не держи зла. Всё-таки, ты меня очень уж шокировал необычным рассказом. Нужно было в себя прийти и кое-что обдумать, – живо начала покойница. – Во-вторых... Ты сказал, что когда был в моей квартире, то видел диплом с конкурса чтецов, так?

– Так...

– Попробуй вспомнить: со стены ты его снял, а потом на газетном столике оставил?

– Эээ, да. Откуда...

– Откуда знаю? Сразу после последнего нашего разговора я зашла в гостиную и обнаружила, что диплом, который годами висел на одном и том же месте – смотрит на меня со стола!

– Очень странно...

– А хочешь расскажу кое-что ещё более странное?

– Попробуй.

– Я решила разобраться с твоим ДТП. Воскресила для этого старые связи, запросила информацию из прокуратуры, поговорила с журналистами, которые ведут криминальную хронику в местных СМИ. И, не поверишь – нашла упоминание о том, что в ночь на второе марта пьяный в зююю водитель «мазды» протаранил автобусную остановку на Колесовой...

– Вот это новость! Интересно только, почему мне в полиции такой «футбол» устроили: не было, дескать, никакого наезда и так далее! Неужели, сынка влиятельных родителей покрывают?

– А вот и нет. Дальше – больше, Вася. Про сбитого, да и был ли он вообще – неизвестно ничего. Кровь на месте ДТП упоминается, конечно. По основной версии, вся она принадлежит водителю.

– Какому, к чёрту, водителю? Да что за спецы в органах работают?!

– Не перебивай. Личность водителя установлена. Водитель «мазды» – Василий Олегович Сомов.

– Что...

– Василий Сомов вылетел через лобовое стекло и скончался в результате открытой черепно-мозговой травмы через пять минут после удара о кирпичную стену, – зачитала Аня Румянцева.

* * *

Какое-то время Сомов походил на выброшенного на берег окуня. Глаза выпучены, дышать нечем, но рот отчаянно и беззвучно загребает бесполезный воздух. Налицо – потеря ориентации, паника, шок. Он даже не заметил, как очутился на холодном полу, вжав спину в стену балкона: костыли отброшены, тело бьёт дрожь.

Сотовый словно прилип к уху, а виртуальная собеседница немилосердно добивала контуженный мозг Васи всё новыми и новыми фактами.

Жалкая попытка откреститься от происходящего не помогла. На заявление, что в жизни он ничем круче «Лады» не управлял и, скорее всего, водитель – обычный однофамилец, Румянцева озвучила подробную биографию разбившегося Сомова.

Сходилось всё: от родителей, до даты и места рождения, адресов детского сада, школ, которые посещал. Совпал и университет, и год выпуска.

А потом, продрогший на холодном балконе Сомов перестал узнавать Сомова, о котором говорила Аня. Услышав крупную ошибку номер один, он просто промолчал: когда прозвучало, что его первым местом работы после окончания финансового университета стала некая контора «Церберус и Ко». А вот откровенное: «Холост. На момент ДТП семейным положением не обременён» – придало сил, и Вася, наконец, поборол немоту:

– Постой-постой. Что значит «холост»? А откуда тогда в моей жизни рыжеволосый гоблин, с которым мы в ипотеку квартиру на двадцать лет взяли?

– Что за гоблин? – не поняла Аня.

– Это я... про жену.

– А ты мастер придумывать милые клички для любимых женщин. Не знала, кстати, что ты женат.

– Хм... в местах, откуда ты информацию черпала, об этом тоже, по ходу, не очень в курсе, – сказал смущённый Вася. – Помедленней, пожалуйста, читай. Это уже не первая ошибка.

Чем дальше раскрывала Аня тайны и жизненные вехи покойного Сомова, тем чаще жена-тый и при костылях Вася находил несовпадения или откровенное «враньё». Да, он выезжал за рубеж, но в другие страны. Да, он флиртовал с Машей Мальковой, но ни о каком внебрачном сыне не могло быть и речи. Да, он умеет водить, но у него никогда не было в собственности ни «форда», ни «фольксвагена», ни, тем более – новенькой «мазды», купленной два месяца назад. И уж точно его последним местом работы не может быть сеть компьютерных салонов «Галактика Кро», тем более – в должности начальника финансового блока!

– И всю эту информацию ты взяла из проверенных источников? Одно дело: одна-две ошибки, но – столько! Что, чёрт возьми, происходит?

Трясти Сомова перестало, рассуждал он более-менее здраво. Только лёгкое головокружение не отпусало.

– Теперь ты веришь, что я – живой человек, а роль призрака тебе подходит не меньше, чем мне? – спросила зеленоглазка.

– Нет, тут что-то другое. К чёрту призраков...

– Тогда что?

- Пока не знаю. Как насчёт тебя? Какие-нибудь идеи?
- Знаешь, мне кажется, если ты раскопаешь биографию покойной наркоманки Анны Румянцевой и зачитаешь по телефону, то я тоже признаю далеко не всё. В конце концов, я – жива, а она – нет. Совсем не удивительно, что жизненные пути у нас разные.
- То есть, ты никогда не принимала наркотики?
- Принимала, было дело. Реабилитация далась тяжело, но уже много лет всё нормально, и – никаких срывов. Вася...
- Да?
- Мне кажется, мы должны увидеть друг друга.
- Вот, прямо сейчас?
- У тебя есть дела поважнее?
- Нет. Но... что, если это невозможно? Я же заходил к тебе в гости – ничего не вышло.
- Почему это невозможно и не вышло? Во-первых, ты там, «в гостях», со стены диплом без спросу снял, а я увидела результат. Во-вторых, спустя столько лет мы разговариваем с друг с другом: покойник с покойницей в какой-то степени... Я тут подумала, Вася, а что если это второй шанс?
- Кто ж нам его предоставил?
- Может, и никто. Может, это случайность. Как и двадцать лет назад. Просто, и когда впервые увидела тебя, и прямо сейчас – у меня одинаковое чувство. Я именно: если шанс упустить, не проорать номер из отходящего автобуса, к примеру, или не сделать чего-то сумасшедшего – мы уже никогда не будем счастливы. Понимаешь, Вася, моя жизнь не столь прекрасна, чтобы за неё цепляться. Мне легче лёгкого бросить всё и пойти на встречу с тобой куда угодно. В любой момент. Хотя, что я только о себе говорю? У тебя, быть может, всё очень даже ничего. Всё-таки жена, квартира, есть что терять...
- Хватит, Аня. Не сыпь соль на рану. Я тоже готов. Выхожу прямо сейчас. Где живёшь – помню.
- Уверен, что поступаешь верно?
- На все сто.
- Вот и славно. Только не думаю, что квартира наркоманки Румянцевой – лучший для нас вариант. Как насчёт парка на Комсомольской? Он всегда был для меня местом особенным – этакий нетронутый заповедник природы в сердце города. Кругом всё меняется, приходит и уходит, а он всегда дарит тишину и покой.
- Парк – отличное место. Буду там через двадцать минут.
- Я подойду чуть позже. Просто, мне добираться дольше.
- Ничего страшного. Аня?
- Да?
- У меня заряд сотового на ладан дышит, и ни одно зарядное устройство к нему не подходит...
- Ну, когда будешь на месте, то позвони мне с другого мобильного. Какие проблемы? У тебя разве запасного нет?

* * *

Когда муж проковылял мимо Маргариты Павловны – она и бровью не повела, но стоило только начать натягивать куртку – как спину пронзил подозрительный взгляд.

- Ты куда это собрался?
- Вася тяжело вздохнул.
- Нужно подышать свежим воздухом...

– На балконе, значит, уже недостаточно для тебя свежо? И так целых полчаса там проторчал.

Что на такое ответишь? Сомов пожал плечами.

– Не видела мой мобильник? – спросил он.

– А это у тебя в руке – уют, что ли?

– Да-да, знаю. Я другой мобильник ищу. Мне кажется, я его где-то здесь оставлял – на подставке для обуви. – Так, видела или нет?

– Видела, – ответила Маргарита Павловна. – Лежал, кстати, не на своём месте.

– И где он теперь?

– На своём месте.

– Превосходно. Где ж это?

– Вот как поищешь и найдёшь – так и узнаешь. Может, перестанешь оставлять его где попало...

Марго ожидала, что муж как обычно повесит нос, сунет в шкаф куртку и начнёт, смешно вышагивая на костылях, неуклюже исследовать каждый уголок двухкомнатной квартиры.

Вместо этого Василий процедил «достала», смартфон жены споро переключал с тумбочки в карман куртки, и костыли понесли его на выход. После такой наглости жена пришла в себя, только когда нога в гипсе нырнула за порог.

– Да что ты себе позволяешь?! – завопила Маргарита Павловна и вскочила на ноги. – Совсем из ума выжил?

– Стой где стоишь, ведьма! – прогремел на всю лестничную площадку Вася и направил на жену конец костыля.

Не остановись она вовремя, то разбила бы лицо.

– Мерзавец! Да как ты посмел поднять на меня эту палку?

– Если не заткнёшься, то посмею не только поднять, но и опустить!

Маргарита Павловна рот закрыла, но взгляд её не сулил ничего хорошего: стирать носки и готовить завтраки отныне и вовеки веков муж будет сам.

– Теперь, Марго, слушай внимательно. Говоришь, я не настоящий мужчина, потому что у меня дерьмовое Чи или Пи? Ну и здорово! К чёрту всё! Прямо сейчас... В эту секунду. Я иду на встречу с женщиной, о которой грезил всю свою паршивую жизнь, и которой на все волнующие тебя вопросы плевать с высокой колокольни. Не знаю, выгорит у нас с ней что-нибудь или нет, но даже за крохотный шанс на счастливое будущее я готов рискнуть всем. И в любом случае, заруби на носу: для тебя я умер, назад не жди. И ничего уже не изменить!

С грохотом Василий захлопнул дверь, но не успел отпустить ручку, как почувствовал с другой стороны сопротивление. Марго сдаваться даже не думала.

– Я тебе покажу! Мерзавец! Подлец! Открой дверь немедленно, слышишь? – верещала она. – Как ты со мной поступаешь, свинья?! Я тебе лучшие годы жизни отдала!

– Ну, стоит признать, тот ещё подарочек... – пропыхтел Василий и, наконец, с трудом удерживая на костылях равновесие, вогнал в замочную скважину ключ.

Два поворота – и жена впустую тратит силы.

– Идиот, у меня тоже есть чем оторвать!

– Можешь вместо топора бросить это «чем» в кастрюлю и сварить суп. В любом случае, будет не хуже того, что ты обычно готовишь, – проворчал Сомов и одним движением сломал торчавший из двери ключ. – Счастливо оставаться, дорогая!

* * *

Испытывавший к таксистам нечто вроде классовой ненависти Сомов доехал до парка в компактном маршрутном такси – не лучший вариант для провоза калек. Однако проблем с посадкой и высадкой – спасибо добрым пассажирам – Вася не испытал.

Погружённый в мечты он встал под бюст Ленина у самого входа в парк, откуда отстранённо обозревал панораму торговых рядов и ловил лицом снежинки.

Спустя полчаса снег повалил сильнее, и Вася заглянул в безжизненный экран «Сименса». Не зря его мучали сомнения – заряд иссяк. Возможно, сотовый добила морозная погода, а может – очередная злая шутка судьбы.

Без особой паники Сомов сел на скамью, и набрал номер зеленоглазки, используя смартфон жены. Ответ пришёл молниеносно: автоответчик сотового оператора с поддельным сочувствием резюмировал, что искомый абонент не обслуживается. Что за чертовщина?

Битый час он сражался с мобильной техникой. На лбу взбухли крупные капли пота. Ещё бы – бой шёл за личное счастье! Только, к сожалению, без особого результата. Раз за разом набирая Анин номер, Сомов сверял его с теми цифрами, что предварительно записал на листке бумаги – тщетно. Не помогала и попытка вставить симку из «Сименса» в «Самсунг».

Мир сжался до размеров черепа: Василий предпочёл закрыть глаза. Сколько он так просидел – сказать трудно. Только поборов приступ паники, он осмотрел скамью, на которой сидел. Её замело снегом. Белые хлопья полностью скрыли выпавший из чёрной «мазды» сотовый. Да и был ли он вообще? Может, Василий его просто-напросто выдумал – как и зеленоглазку? Может, Марго, врачи и полицейские правы: он слишком сильно стукнулся головой о лёд?

Смартфон жены в руках Сомова ожил без предупреждения. Окрыляющий всплеск надежды сменили тоска и разочарование – экран определил звонившего не иначе, как «Муж Вася». И зачем он только вернул симку Марго на место? Вне всякого сомнения, звонила именно она, используя лежавший «не на своём месте» мобильник Василия.

Попросить прощения и сказать, что не прав? Большой палец машинально сбросил вызов, и переведённый в режим «Тишина» смартфон нырнул в приставленную к скамье мусорную урну.

День нехотя переходил в вечер, пасмурное небо наливалось чёрным. Парк обезлюдел, в конце концов разбрелись по домам даже шумные дети, которые играли неподалёку в снежки.

Когда вспыхнули фонари уличного освещения, Сомов понял, что проведёт в парке ночь.

Чтобы не дать телу окоченеть, костыли поставили хозяина на ноги и повлекли вглубь тёмных аллей. Снег больше не падал, ровный и с голубым отливом он лежал между деревьями и на ветвях – девственно чистый в свете выглянувшей из-за туч Луны.

Одну за другой обходил Сомов парковые тропы. Глаза напряжённо шарили в тенях. Вдруг, ещё не всё потеряно, вдруг угадает её силуэт?

Без передышки штурмовать на костылях извилистые дорожки, которым нет конца – уже непросто, а если делать это на голодный желудок, да ещё на нервах – это изнуряет куда сильнее.

К трём часам ночи силы иссякли полностью. Тяжело дыша, Сомов позволил себе короткую передышку: спина прильнула к ветвистому дереву. Накатила слабость.

В состоянии полусна он скользнул взглядом по затопившему парк снежному морю и всего в нескольких метрах от загипсованной ноги прочёл: «Ты где?» – надпись процарапали в снегу тонкой веткой.

Снег свежий. Кругом – никого. Сам Сомов оставить это послание никак не мог.

С приливом надежды костыли бросили Сомова вглубь парка. Новый обход результаты дал быстро, да ещё какие! Надписей в снегу он нашёл много: «Вася, я здесь», «Не уходи», «Куда ты пропал?», «Здесь так холодно, но я потерплю», «Пожалуйста, не сдавайся!».

– Это должно работать в обе стороны! – осенило Сомова.

Когда его подмороженные мозги нашли это простое решение – пришли новые силы. Размахивая костылями, он тоже начал выбивать в снегу слова. Чтобы успокоить подругу, поначалу писал: «Здесь был Вася!», «Я всё ещё в парке», «Аня, не отчаивайся!» – а потом в голове его созрел план, и все последующие послания Сомов подчинил одной идее.

Не жалея сил, он обошёл все аллеи. Несколько раз терял из-за гололёда равновесие, иногда – падал, но удача и снежный покров смягчали падение и выводили покалеченную ногу из-под удара.

Часам к пяти-шести утра Вася исполосовал стрелками все снежные берега, которые обрамляли прогулочные дорожки. Оставленные им метки и указатели вели за пределы парка – к скованному зимним сном фонтану, вблизи которого открывалась панорама спящего города.

Закончив этот важный и крайне изнурительный труд, Сомов медленно сел в сугроб, а затем – с довольной улыбкой и лёгким сердцем растянулся на снежной простыне во весь рост: ноги и руки разведены звёздочкой. Теперь-то зеленоглазка уж точно не упорхнёт от него. Силки расставлены мастерски: все стрелочки указывают именно сюда – на вписанный в окружность отпечаток человеческого тела в снегу. Вместе с костылями, лёгшими рядом словно второй комплект рук, финальная картина могла напомнить знающему зрителю рисунок Витрувианского человека Леонардо да Винчи, особенно, если взглянуть на нее с высоты птичьего полета.

Сомов не ошибся.

Не прошло и нескольких минут, как что-то тяжёлое вдавило левое предплечье в снег.

А потом он увидел её – всю и сразу. Не было никаких переливов света, снопов искр или удара молнии. Просто рядом с ним в снегу возникла женщина, накрывшая телом один из костылей и руку. Серое пальто, джинсы, вязанный шарфик. Она лежала на боку. Сбегавшие из-под простоватой шапочки волосы тянули к лицу Сомова каштановые локоны – точь-в-точь такие, какими он их запомнил. В живых, изумрудных глазах пылала радость.

Она чиркнула его нос варежкой, катышки льда оцарапали кожу.

– Мое любимое послание, из тех, что ты оставил в снегу: «Это Вася. Я все еще здесь!» Оно меня так развеселило! А вообще, ты здорово придумал со всеми этими стрелочками.

– Хочешь жить – умей вертеться.

Аня рассмеялась.

– А раньше ты, значит, и не жил?

– Давай, забудем про «раньше» хотя бы на время, – предложил Сомов.

– Обеими руками за! Можно даже и навсегда забыть.

– Ты, случайно, не голодна?

Конечно она испытывала голод – да ещё какой! Они потратили минуты две, чтобы высвободиться из снежных топей и привести одежду в порядок.

Вася сказал, что перекусить можно в супермаркете на Свердлова. Работает он круглосуточно, отдел готовой еды богат на салаты и жареную курочку. Там же для не особо требовательных посетителей предусмотрены столики из пластмассы. Не итальянский ресторан, конечно, но выбора особого нет. Жаль только – идти далеко.

– Зачем идти? Пойдем лучше к моей машине, – предложила Аня. – Мигом на месте будем.

Кроме измятого двумя телами снега, они оставили позади кем-то забытые костыли.

Пока шли к парковке, то по сторонам особо не смотрели: их внимание было поглощено друг другом. Они говорили и говорили – столько хотелось рассказать друг другу, и только на светофоре Аня обратила Васино внимание на просыпавшийся город.

– А разве в этом здании весь первый этаж не под мебельный салон отведён?

– Да, нет. Не помню здесь никакой мебели. Каждый день по пути на работу мимо этого почтового отделения хожу... Вот ведь! – на несколько секунд Вася потерял дар речи. – А эта часовня откуда?

– Шутишь? – с прищуром посмотрела на него Аня. – На пожертвования ко дню города открыли. Лет десять уже стоит – сложно не заметить!

До самой парковки они шли с видом деревенских зевак, которые только вчера попали в большой город. Улицы, дома, вывески, силуэты деревьев, казалось бы – такие знакомые и привычные с детства, то и дело подсовывали что-то новенькое.

Наконец, блаженное тепло автомобильного салона окутало продрогшую за ночь парочку.

Вася поёжился от удовольствия и изучил висевшее над головой водительское удостоверение: хозяйка автомобиля Анна Сергеевна Сомова прикрепила его к козырьку от солнца.

– Дорогая, ты помнишь, что до конца месяца тебе нужно продлить права?

– Помню, конечно, – сказала Аня и вдруг выпалила. – Ох, Вася, а что это у тебя с ногой? Какой-то валенок из-под штанины выглядывает!

– Вот чёрт! – вылупил глаза муж. – На гипс похоже...

– Ты же ничего не ломал?

– Ну, да. Интересно, откуда это?

– Эмм. Может, Серёжа наложил? Шутка вполне в его вкусе. Уверена, что в меде над сокурниками он и не так прикалывается.

– Блин, Аня, как-то не особо верится. И когда он, по-твоему, это сделал? Сегодня ночью? Или за завтраком? – с сомнением произнёс Вася. – Это же, не лицо зубной пастой во сне измазать.

– Ну, на то он у нас и большой талант, тем более – в области медицины! Другой вопрос – почему мы только сейчас заметили эту бандуру? Она ж тебе ходить мешает!

– Постой-постой, ты куда собралась?

Аня вывела машину за пределы парковки.

– Как куда? Заедем к Серёже в институт. Не случайно же мы в такую рань покатаемся вздумали? Если это он загипсовал ногу – пусть разгипсовывает. Времени до начала первой пары хватит. Не станешь же ты весь день ходить в этом?

Вася хотел ответить, почему бы и нет, но вместо этого спросил:

– А если это не он сделал?

– А кто, инопланетяне? Да, какая разница кто? Главное – он знает, как это снять.

Вид отца, который незадолго до начала занятий предстал перед Серёжиными одноклассниками в гипсе, встревожил юношу не на шутку. Аня сразу поняла – сын к шутке с гипсом не причастен.

Их с Васей первенец сработал быстро: раздобыл нужные инструменты, а затем аккуратно и со знанием дела высвободил ногу из плена.

История «О загипсованном предке» надолго возглавит фольклорный топ медицинского института. С годами она обростёт смачными и зловещими подробностями, а долгая жизнь Василия Сомова никогда не погрязнет в унынии и серости. Впрочем, идеальной её тоже не назовёшь. Скорее, его ждет бесконечное, ежедневное приключение с неугомонной Аней у штурвала.

При таком насыщенном графике просто не останется времени на разгадку тайны одного мартовского утра: кто и с какой целью заковал в белый панцирь здоровую ногу. Зато Вася никогда не устанет благодарить судьбу за горячо любимую жену, за то, что много лет назад высшие силы не позволили полусонному студенту забыть десять цифр, которые, высунувшись из окна отъезжавшего автобуса, прокричала во всю силу легких зеленоглазая девушка с каштановыми волосами.

Мусорщик Владимир Ромахин

Старику наконец удалось сбежать, и теперь он торопился на встречу. Каждый шаг по железной дороге давался всё тяжелее: трость утопала в щебёнке, ботинки натерли пятки, а приступ кашля едва не свалил его с ног.

Совсем близко раздался знакомый писк. Старик чертыхнулся и пошёл быстрее. Когда трость снова застряла в щебёнке, он с досадой бросил её с холма, по которому бежала железная дорога. Привычные звуки мира – пение птиц, шум деревьев, кваканье лягушек – всё исчезло. Остался лишь писк.

Наконец старик остановился и с улыбкой посмотрел вдаль. Он не опоздал на встречу с теми, кто всё ещё дарил счастье.

Киты плыли так низко над землёй, что их раздувшиеся животы почти касались колосков ржи в поле. Один кит, второй, третий. Их глаза лихорадочно изучали ночь, а раскрытые рты будто готовились схватить жмущиеся к железной дороге дома.

Вдруг животные остановились и запели в унисон. Опасения старика подтвердились: киты умирали. Из-под плавника одного капала кровь, голову второго покрывали алые полипы, а третий пел так тихо, словно каждый звук давался с трудом. Как их спасти? Как остановить время?

– Я не могу помочь, – выдавил старик, борясь со слезами. – Простите.

Старик соврал. Он знал путь к спасению.

Гудок приближающегося поезда застал мужчину врасплох. Не придумав ничего лучше, он сполз с холма по щебёнке. Старик представлял собой жалкое зрелище: потрёпанная майка, заштопанные штаны, которые чудом не порвались, грязные ботинки. Щебёночная пыль покрывала одежду, отчего он походил на исчезающего в рассветных лучах призрака.

Кое-как встав на ноги, старик поглядел по сторонам в поисках китов. Он всё ещё слышал их песню, что утихала с каждой секундой. Теперь, после встречи, голову заняла единственная мысль – есть ли другой способ спасти их? Решив подумать по дороге домой, старик посмотрел на растянувшийся вдоль железной дороги посёлок.

Киты проплыли так близко, что старик едва увернулся от хвоста одного из животных. Они замерли над деревянным домом метрах в ста от дороги, на крыльце которого следователь по особо важным делам Ребров фанатично проверял закрыл ли он дверь. Глядя на полицейского, старик вздохнул: он знал, что уже шесть лет у Реброва были причины для беспокойства. Словно подтверждая его мысли, тот закурил, сделал пару затяжек и ринулся к машине.

От трели мобильника старик чуть не подпрыгнул на месте. Он расстегнул карман и прищурившись, глянул на треснувший экран. Звонила соседка: надоедливая тётка с косыми глазами, дурными манерами и вечной грязью под ногтями.

– Твой внук пропал! Он кричал, я полицию вызвала...

– У меня нет внука, – глухо ответил старик, но трубку уже положили.

Следователь Ребров завёл машину, проехал метров пять и остановился, будто сомневаясь, стоит ли уезжать.

– Остайся дома, – прошептал старик, глядя в сторону Реброва. – Пожалуйста.

Машина тронулась и спустя минуту исчезла в клубах пыли просёлочной дороги. Глядя ей вслед, старик сделал то, чего не делал много лет – перекрестился.

* * *

Ребров родился и вырос в Кашеевке. Каждое утро он мотался на работу в город, но даже не думал о переезде – в Кашеевке он завёл семью и планировал состариться. Долгие годы в посёлке с населением около двух тысяч человек самыми «жуткими» преступлениями были драки в Доме культуры, браконьерство на речке, кража бензина и шин.

Всё изменилось шесть лет назад, когда пропала старая учительница математики. Ребров, который вёл дело, был уверен, что найдёт её не больше, чем за три дня. Он и не догадывался, что учительница – первая из тех, кто пропадёт пятнадцатого июля. С тех пор, каждый год в злополучный летний день, в Кашеевке исчезало по одному человеку.

Надо ли говорить, что для Реброва поиск преступника стал делом всей жизни?

Сегодня, в ночь с четырнадцатое на пятнадцатое июля, Ребров не сомкнул глаз. В том, что похититель явится, он не сомневался. Но тот вновь одурачил следствие, выйдя на охоту уже через четыре часа после полуночи.

По дороге к месту предполагаемого преступления, Ребров снова вспоминал пропавших. В последний год они снились ему чуть ли не каждую ночь: учительница математики, автомеханик, семилетняя девочка, медсестра и паренёк из цыганского табора. Десятки рассветов Ребров встретил, изучая скудные биографии жертв в поисках хоть какой-то связи.

Безуспешно. И сегодня на одну биографию станет больше.

Вскоре он остановил машину около дома, где жил пропавший ребёнок. Местный участковый доложил Реброву по телефону, что мальчик около года назад переехал в Кашеевку вместе с дедушкой, который работал мусорщиком на железной дороге. Ни ребёнок, ни старик, ни с кем не общались – лишь иногда мусорщик перекидывался парой слов с соседкой, перед тем как с утра пойти на работу. Соседка и сообщила полиции, что слышала звон разбитого стекла и крик мальчишки.

Ребров не сомневался, что сарафанное радио сработало и зеваки вот-вот потянутся к дому. Кое-кто из жителей даже успевал зарабатывать на пропавших людях: некоторые газетчики платили за домыслы и легенды. Правда, чаще всего бутылкой водки – всё-таки информация у местных «инсайдеров» вряд ли была стоящая.

4:45 утра. Ребров вышел из машины и направился к дому старика. По дороге, сам не зная зачем, он посмотрел на сарай, сквозь крышу которого проглядывали розовые, только проснувшиеся облака. Как-то раз дочь Реброва заявила, будто по телевизору сказали, что у детей – розовая кровь, у взрослых – бордовая, а у стариков – чёрная. С грустью следователь подумал, что на рассвете похититель наверняка выпустил наружу розовую кровь.

Старик пришёл вскоре после появления Реброва и плюхнулся на лавочку, сунув руки в карманы штанов. Пока дед переводил дух, Ребров осмотрел его с ног до головы: остатки седых волос, худощавое телосложение, грязная одежда. Единственное, чем он выделялся – следами ожогов на руках и шее, где кожа походила на грубые белёсые заплатки. Наконец Ребров представился и перешёл к делу.

– Где вы были ночью?

Собеседник ответил безучастно, будто происходящее его не касалось:

– На работе.

– Вы убираете мусор на железной дороге?

Старик не ответил. Ребров подавил гнев – времени на молчание не было.

– Участковый сообщил, что по словам соседки, вы уходите на работу утром. Почему изменили график?

– Любовь к труду.

Ребров мысленно досчитал до пяти и посмотрел вокруг. Улица заполнялась людьми: несколько «оперов» оцепляли дом, пришедшие зеваки требовали комментариев. В течение получаса из города прибудет криминалист для осмотра комнаты мальчишки. А пока ветхий,

завалившийся набок дом, зыркал на людей сквозь уцелевшие стёкла, храня свои тайны. Через пару часов всё закончится: криминалист уедет, мусорщик скажет, где был ночью, а мальчик...

Судя по предыдущим случаям, шансов на спасение не было.

– Можно фотографию вашего внука? – спросил Ребров. – Понадобится для поиска.

– Я никогда его не фотографировал.

– Где родители мальчика?

– Не отказался бы узнать.

– Принесите ваши документы, – потребовал Ребров. – И свидетельство о рождении ребёнка.

– Я потерял их после переезда, – сухо ответил старик.

Ребров почуял знакомый каждому полицейскому запах лжи. Комар укусил в шею, следователь прихлопнул его ладонью. Нет, больше никакой крови!

– Откуда вы приехали? – продолжил Ребров.

– Главное не откуда, а куда.

– В каком классе учится мальчик?

– Он не ходит в школу.

Ребров зыркнул на участкового – тот что-то спрашивал у соседки старика. В посёлке, где живёт пара тысяч людей, Ребров знал далеко не всех, а вот участковый мог бы и обратить внимание на странную парочку.

– Я свободен? – спросил старик.

Ребров отвлёкся от участкового – того уже обступили цыгане, которые требовали найти пропавшего из табора парня.

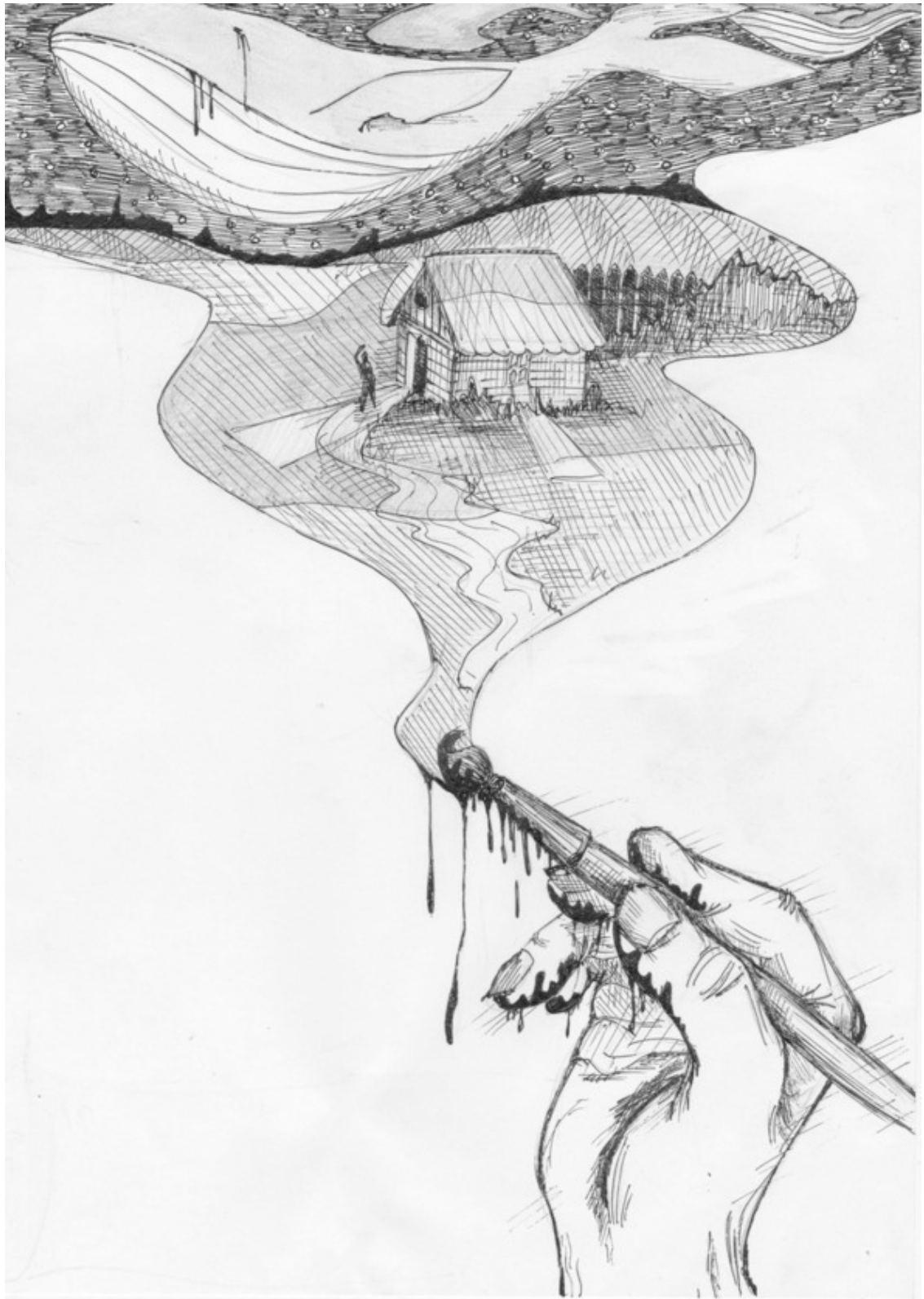
– Пока нет криминалиста, покажите дом, – приказал Ребров.

– Он не мой, – пожал плечами старик.

– Кто настоящий владелец?

– Не беспокойтесь, – улыбнулся мусорщик. – Соседка сказала, что дом отошёл государству, но простаивает уже лет десять. Если я нарушил закон тем, что жил здесь, то сожалею. Но внук сейчас важнее.

– Почему вы улыбаетесь? – спросил Ребров, но старик уже брёл к дому.

Ребров шёл по коридору, не сводя глаз с затылка идущего впереди мусорщика. Обычная история – допрос родственников жертвы. Но что-то здесь не сходится.

Почему дед изменил график именно сегодня? Куда он ходил ночью? Кто он вообще такой? Конечно, у мусорщика снимут отпечатки пальцев, но Ребров не думал, что отыщет что-то полезное. А мальчишка... Он заинтересует органы опеки – лишь бы нашёлся.

«Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана», – мысленно процитировал Ребров статью из Уголовного кодекса. Старик приехал в Кашеевку чуть меньше года назад – к тому времени пропало уже пятеро людей. От неприятной мысли Реброва замутило: что если старик всё-таки убил ребёнка, а днём исчезнет кто-то другой? Ведь как ни крути, совпадения возможны.

– Я на кухне, – пробубнил мусорщик. – Тут не кунсткамера, любоваться нечем.

Ребров прошёл дальше. Схема дома была проста: от коридора вбок уходили кухня, гостиная и комната мальчишки. За год мусорщик обустроил жилище как смог: нашёл мебель аля-СССР, замызганные ковры, соорудил подобие кухонных шкафчиков из сбитых гвоздями досок. Ребров оглядел гостиную – в углу валялся старый матрас, а пол усеяли осколки разбитого зеркала.

«Почему их не убрали?» – подумал Ребров.

На миг стекляшки показали множество разных отражений: Ребров увидел и сгустки тьмы в небе над Кашеевкой, и лица пропавших людей.

Следователь закрыл глаза. Выдохнул. Открыл. Стекляшки одиноко валялись на полу, и Ребров пообещал себе в скором времени выспаться. Ну и привидится же глупость!

В комнате мальчишки было поуютнее – старенькая кровать, радиоприёмник, смятое постельное бельё. Кровать стояла впрытик к окну, так что похитителю не пришлось трудиться. Следы крови и борьбы отсутствовали. Ребров выглянул из окна – трава у дома была примята, но чётких следов не было. Пусть с этим возится криминалист – когда каждая минута на счету, нет времени заикливаться на мелочах.

Ребров пошёл на кухню, когда споткнулся о какую-то железку на полу. Подпол. Он споткнулся о ручку подпола. Следователь потянул её на себя и чихнул от пыли: хоть где-то в этом доме не убирались.

Включив фонарик на телефоне, Ребров спустился по шатающейся деревянной лесенке. Когда ноги коснулись земли, он с усмешкой подумал, что старик может закрыть его и сбежать. На всякий случай Ребров глянул на телефон – связь ловит. Следователь осветил подпол фонариком. Наверняка здесь хранится обычное содержимое сельских погребков: банки с вареньем, соленья, картошка...

От увиденного Ребров присвистнул.

Всю правую сторону помещения украшали криво прибитые книжные полки. Следователь осветил фонариком корешки фолиантов. Казалось, здесь собрали всю литературу о китах: виды, миграция, мифы, сборники сказок, записки учёных и китобоев. Ни одной книги о чём-то другом – лишь библиотека по изучению китов.

Но что по-настоящему пугало – это фигурки китов, расставленные на полках с левой стороны подпола. Фарфоровые, деревянные, стеклянные, сделанные из папье-маше. От крошечных, не больше ногтя, до размеров небольшой собаки. Ребров насчитал около пятидесяти фигур и сбился. Светя фонариком, он прошёл к дальней стене хранилища, где вера в то, что старик что-то сделал с мальчишкой, зажглась в следователе с новой силой.

Рисунки. Десятки изрисованных карандашом альбомных листов. Прибитые к стене кнопками, они наслаивались друг на друга. Здесь были и абсурдные зарисовки трёхголовых людей с десятками рук за спиной и разбитое зеркало, которое срисовали со стоящего в гостиной. Ребров наугад сорвал два листа со стены – на одном толпа людей стояла на коленях в окружении китов. На другом – четверо мёртвых китов всплыли пузом кверху.

Реброва замутило – то ли из-за спёртого воздуха и пыли, то ли от картинок. Он неловко пошатнулся и выставил руку вперёд. Пальцы коснулись листа, который оторвался от стены и упал на пол.

Ребров посветил на изображение: человек на рисунке шёл по дороге с распростёртыми к небу руками. Голова идущего была повёрнута назад и занимала три четверти альбомного

листа. Следователь поразился точности портрета – тот будто срисовали с фотографии, переняв каждую чёрточку парня из цыганского табора.

Дрожащей рукой Ребров оторвал кнопку от стопки рисунков, из которой выпал предыдущий. На следующем портрете учительница математики лежала на траве с такой же гипертрофированной, как у цыгана, головой и блаженно улыбалась. В небе над женщиной плыли объекты её вожеления – киты.

Он перебрал следующие листы. Пропавшая девчонка, автомеханик, медсестра...

Из состояния прострации Реброва вывел голос старика. Он говорил так же беспечно, как во время допроса на лавке:

– Свинья везде грязь найдёт, верно?

Следователь выронил портреты и развернулся к мусорщику так резко, как мог. В отсвете фонаря лицо старика казалось сделанным из свечного воска.

– Сожги их, – потребовал старик. – Сейчас.

– Откуда эти рисунки? – Рука Реброва потянулась к пистолету. – Будь они здесь до вас...

– Их здесь не было, – перебил мусорщик.

– Твоих рук дело?

– Мальчишки. Сделай то, чего не могу я. Сожги!

Голос старика сорвался на визг, лицо побагровело. Ребров достал пистолет и наставил на мусорщика.

– Подними руки и на выход.

Старик не двинулся с места.

– Сожги, сожги, сожги! – как заведённый повторял он.

Участковый появился как раз вовремя. Он спрыгнул с лестницы и по кивку Реброва облачил мусорщика в наручники. Тот не сопротивлялся.

– Уводи, – скомандовал Ребров. – Сразу в участок, как можно тише!

– Огонь – пролепетал старик. – Вот настоящее лекарство!

– Заткнись! – рявкнул участковый, потащив мусорщика к выходу. – Товарищ следователь, важные новости. Ай!...

Участковый споткнулся и брякнулся со стариком на землю. Ребров убрал пистолет в кобуру и поднял обоих, не выпуская фонарик.

– Растяпа! – крикнул Ребров. – Тащи его, после новости!

– Тут какая-то коробка, – замямлил участковый.

Ребров осветил фонариком на место, где споткнулся полицейский. Из коробки на пол выпали до боли знакомые вещи.

Рабочая форма автомеханика с подтёками масла. Красные туфельки медсестры. Футболка «ЦСКА» с фамилией Дзагоев, которую в тот злополучный день надела девочка, одолжив у старшего брата. Была там и одежда других жертв, которую после всех экспертиз как прощальный подарок вернут родственникам.

– Товарищ следователь, – пробурчал участковый. – Я...

Ребров вздрогнул, и едва сдержал просящиеся наружу ругательства.

– Чего застыл?! На выход, живо!

– Мальчик нашёлся, – улыбнулся участковый. – Пришёл к дому, без единой царапины, разве что напуган.

– Что он сказал?

– Ничего, – улыбка паренька померкла. – Он немой.

– Разберёмся, – только и сказал Ребров, пока пальцы тянулись за сигаретой. – В Следственный комитет вызови доктора, пусть осмотрит мальчишку. Там же разошлём ориентировки ребёнка – его наверняка похитили. Скажи опергруппе, чтобы нашли специалиста по языку жестов и звони в органы опеки.

Участковый потащил старика к выходу. Ребров закурил, поднял рисунки и тут же бросил вновь. То ли бессонная ночь дала о себе знать, то ли ощущение нереальности происходящего, но следователь мог поклясться, что бумага вибрировала, а головы жертв поворачивались вокруг своей оси, заходясь в немом крике.

За следующий час Ребров добрался до Следственного комитета, где выпил кофе, подписал пару отчётов и теперь сидел в кабинете допросов. Специалист по языку жестов был в пути, а пока мальчишку сторожил участковый. Врач уже осмотрел ребёнка и подтвердил, что на теле нет ран и жизни не угрожает опасность. Ориентировки потерпевшего рассылали в ближайшие города, а представитель органов опеки обещал прибыть в течение дня, чтобы забрать мальчика до выяснения обстоятельств.

Вопреки всяческим клише, комната для допросов в следственном комитете не была звуконепроходимой. Пару раз Ребров слышал, как участковому говорили, что он может идти, но тот ссылаясь на то, что охранять мальчика – его долг. Ребров услышал бы и больше, но после поимки возможного маньяка отдел оживился – из дома мусорщика в лабораторию взяли кучу вещей на экспертизу. Не тронули лишь рисунки – по словам Реброва, в их расположении мог крыться смысл, и позже он планировал вновь осмотреть подпол.

Следователь посмотрел на сидящего через стол мусорщика. Лицо подозреваемого не выражало чувств, взгляд провалился в одну ему доступную бездну. По старинке включив диктофон, Ребров начал допрос:

– Назовите ваше имя.

Как и ожидалось, старик промолчал.

– Ориентировки мальчишки разошлют по стране, – отчеканил Ребров. – Если он исчез из детдома, то к вечеру мы узнаем из какого. Когда вы похитили его? Что стало с остальными пропавшими? Зачем приехали в Кашеевку? Мальчишка знал, что умрёт и поэтому сбежал? Не тяните, мы всё равно узнаем кто вы. Пишите чистосердечное, зачтётся в суде.

Старик поднял скованные руки. Ребров едва не ударил кулаком по столу – какой же он дурак, что не заметил! Мусорщик ведь даже на лавке прятал руки в карманы.

Ладони старика были обожжены. Лиловые наросты топорщились на кончиках пальцев. Никаких отпечатков. Им ничего не узнать о мусорщике, если он не расскажет.

– Вряд ли что-то получится, если не помогу, – хмыкнул старик, словно прочитав мысли следователя.

– Ваша соседка скажет нам...

Дед расхохотался каркающим, режущим уши смехом:

– В сорок лет вы похожи на ребёнка. Думаете, я сказал ей настоящее имя? Берите пример с начальника станции – он вообще ничего не спросил! На дороге чисто, и ладно.

– Чего вы хотите? – Ребров сделал вид, что сдался. Он мог не торопиться: оснований для задержания достаточно. Рано или поздно мусорщик всё расскажет.

– Правды, – ответил старик.

«Всё-таки рано», – подумал Ребров.

– Знаете миф о трёх китах? – спросил мусорщик.

– Тех, что на спинах держат мир?

Старик энергично закивал. В первый раз за утро он выглядел заинтересованным.

– Одна легенда гласит, что китов было четверо, – начал он. – Кит, что нёс больше всего грехов, погиб. Тогда часть земли ушла под воду, которая растеклась на океаны, моря и реки. Если погибнут остальные – в мир хлынет тьма.

– Как это связано с пропавшими?

– Мальчишка, который прикидывается моим внуком – четвёртый кит. Он не погиб, как гласит предание, а спустился на землю, чтобы помочь братьям извне.

Ребров вздохнул: мусорщик его не удивил. Как и каждый пойманный маньяк, старик пытался заменить тюрьму психбольницей. Тем не менее, следователь едва сдерживал хищную улыбку: он соврал, когда говорил о снисхождении. «Чёрный дельфин» или «Белый лебедь» – Ребров решил, что сделает всё, чтобы отправить ублюдка в одну из этих жутких тюрем, где сама жизнь кажется насмешкой бога.

– Он покинул братьев не по своей воле, – продолжил мусорщик. – Дело в вере: когда-то целые народы поклонялись китам, но спустя века те стали лишь кусками мяса и китового жира. Но им по-прежнему нужны были Источники.

– Вы пытаетесь связать пропавших и Источники? – подыграл Ребров.

– Пропавшие и есть Источники.

– По-вашему, ребёнок убил пятерых человек?

Старик хлопнул себя по лбу от негодования:

– Не убил, а нарисовал! Не знаю, сколько они ещё прожили – киты научились растягивать удовольствие от трапезы.

– Почему именно эти люди?

– Лишь они пришли на зов.

– Зов?

– Пение. Источники идут на песнь, а мальчик переносит их в портреты.

Ребров глянул на часы – 8:30 утра. Он проболтал со стариком час и ничего не узнал. Чистосердечного не будет, и Ребров больше не мог сдержать накопившуюся за годы ярость:

– А вещи? Их он в портреты не прячет? Почему пятнадцатое июля? Почему только один раз в год?

– Одежда – шелуха, а день – привычка, – отмахнулся мусорщик. – Правда в том, что ему нечем питаться, ведь Источники переходят в другой мир. Он был вожаком стаи, а стал умирающим от голода мальчишкой. Всё, что он ещё может – раз в год нарисовать Источник для братьев.

Впервые за свою карьеру Ребров не удержался. Одним махом он оказался возле старика и схватил его за грудки:

– Я шесть лет искал пропавших вместо того, чтобы растить дочь! Жена подмешивает мне снотворное, чтобы я уснул и не думал о тебе! Как ты заманил жертв? Как не оставил следов?

– Ты чувствовал, что рисунки вибрируют, – быстро, как заклинание, прошептал старик. – Как и китам, им нужна вера. Не поддавайся, иначе они оживут. Сожги дом.

Будто в тумане, Ребров толкнул мусорщика, и тот рухнул со стула на пол. Из-под головы на линолеум растеклась лужица крови. Глаза старика закрылись, изо рта вывалился кончик языка.

– Почему ты пришёл? – орал Ребров, зная, что мусорщик не слышит.

В кабинет кто-то вбежал, крепкие руки схватили Реброва и потащили к двери. Перед тем, как его вытолкнули, следователь посмотрел на лежащего мужчину.

Тот открыл глаза и как ни в чём не бывало глядел на Реброва.

– Я не закончил допрос! – хрипел следователь, пытаясь вырваться. – Кто ты такой? Кто?! Скажи мне!

Мусорщик ответил.

Лицо Реброва скривилось от ненависти: старик опять лгал.

Ребров умылся, получил нагоняй от начальства и с чистой совестью курил на крыльце комитета. Всё кончилось. Ужас, который шесть лет сковывал Кашееву, отвезли в больницу.

– Правосудие ещё и не таких ломает, – пробормотал Ребров.

– Что, простите? – раздался голос сзади.

Ребров обернулся. Участковый. Следователь в первый раз задумался о том, сколько пареньку лет и дал от двадцати двух до тридцати. Тот переминался с ноги на ногу, зажав под мышкой сложенный листок и папку для бумаг.

– Ребёнок заговорил? – спросил Ребров.

– Он же немой, – замялся участковый.

– На языке жестов, – терпеливо добавил Ребров.

Участковый почесал голову, и смотря под ноги, ответил:

– Мальчик им не владеет. Может, его похитили очень давно?

– Кто сейчас с ним сидит?

– Ну, – участковый принялся искать варианты. – Я проголодался, вот и подумал...

– Возвращайся, дождись органы опеки и дуй домой. Понял?

– Так точно! Кстати, он мне кое-что передал и показал на вас. Ну, когда допрос кончился.

Может, подарок за спасение?

На улице повеяло холодом. Пульс Реброва участился, по телу побежали мурашки.

– Давай скорее, – выпалил Ребров и тут же подумал: чего бояться? Бредней старика?

Того, что картинки оживут?

Участковый отдал смятый лист бумаги. Ребров тотчас его развернул.

– Что там, товарищ следователь? – не удержался полицейский.

Ребров убрал «подарок» в карман и тихо произнёс:

– Если хочешь жить, приведи ребёнка.

Участковый побежал в здание, но мальчик бесследно исчез – как и все те, кто пропал пятнадцатого июля.

«Ладу» Реброва делали не для гонок, но ему было плевать. Стрелка тахометра то и дело влетала в красную зону, двигатель злобно урчал, а придорожные кафе пролетали мимо, будто миражи. Всю дорогу он думал о дочке. Представлял, как обнимет, коснётся кудрявых волос. Чёрт, даже купит собаку, о которой та мечтала!

В 9:40 Ребров остановился у дома старика и вышел из машины. Оглядевшись по сторонам, следователь открыл багажник, достал канистру с бензином и побежал к разбитому окну.

Каждый шаг заставлял Реброва проклинать себя. Зачем он здесь? Полиция задержала подозреваемого, а найти сбежавшего мальчишку не составит труда. Все доказательства вины старика – кроме рисунков – уже в Следственном комитете. Мусорщик признает вину – момент наступит, когда ему выделят адвоката, который расскажет, что сотрудничество со следствием гарантирует нахождение в СИЗО, где условия лучше, чем в тюрьме.

Когда Ребров полез в разбитое окно, в кармане завибрировал телефон. Звонила жена – раз двадцатый за последние полчаса. Ребров спрыгнул на пол и взял трубку.

– Она просто ушла гулять, – ласково сказала жена. – Да, её нет на футбольном поле с другими детьми, но вся Кашеевка только и говорит, что ты поймал маньяка. Милый, пожалуйста, вернись домой...

Ребров завершил вызов. Что здесь не так? Почему улица пустует, словно что-то заставило людей уйти? Даже «опер», который должен был стеречь дом до приезда Реброва за оставшимися рисунками, куда-то исчез.

«Словно кто-то хочет, чтобы всё было ненормально», – подумал следователь.

Ребров подбежал к подполу, когда услышал чей-то писк. Спустя пару секунд он вспомнил, где раньше слышал этот звук: лет двадцать назад в программе с Жак-Ив Кусто. Звук, который ни с чем не спутать – песнь китов. Следователь полез в карман. Песнь звучала из листочка, который ему передал участковый: рисунка, где дочь следователя держала в руках свою голову, на законном месте которой топорщился китовый плавник.

Ребров смял листок. Писк прекратился. Следователь вспомнил слова мусорщика: «Им нужна вера». Но как поверить в чепуху, рассказанную психопатом? Ведь старик мог заранее нарисовать девочку и передать листок «внуку», чтобы тот напугал им Реброва.

– Ещё посмотрим кто кого, – подбадривая себя, сказал Ребров. Он открыл дверь в подпол и полез вниз. Затем следователь включил фонарик и положил телефон в карман рубашки так, чтобы верхняя часть устройства освещала помещение. Он мог так сделать и в предыдущий раз, но попросту забыл. Не глядя на рисунки, Ребров открыл канистру и облил книги бензином. Сжечь. Закончить кошмар навсегда. А начальству сказать, что кто-то из родственников жертв поджёг дом – разбираться не будут, маньяк пойман.

– Папа, – позвал голос из ниоткуда.

Ребров зажал уши. Нет. Неправда. Всё кончено.

– Их зубы, пап... Они кусают!

– Хватит! – закричал Ребров. – Ты не она!

– Пап, я была права – моя кровь розового цвета...

Ребров зарычал и положил канистру на пол.левой рукой он достал рисунок. Правой – пистолет, который тут же снял с предохранителя.

В углу мелькнула тень – Ребров выстрелил. Зазвенело в ушах – палить в нескольких метрах замкнутого пространства было не лучшей идеей. Держа пистолет наготове, Ребров пошёл к кипе распятых рисунков. Тусклый свет кое-как освещал листы, но этого хватило, чтобы увидеть всю историю.

Ведь теперь он в неё верил.

Четверо китов плыли под наэлектризованным, будто полным молний небом, когда самый крупный из них остановился и рухнул на землю. От удара поверхность содрогнулась. Появившиеся трещины расширились, заполняясь водой. Океаны, реки и моря рождались на глазах Реброва. Кит исчез. Вместо него из воды вышел нагой, маленький мальчик. Словно привыкая к земле, он открыл рот и запел.

Губы Реброва растянулись в блаженной улыбке. Он услышал тот самый зов, ради которого сто, двести, триста лет назад люди бросали всё что угодно – лишь бы быть ближе к мальчишке.

Песнь оборвалась, и Ребров увидел, как мальчик рисовал жертв. Узрел, как несчастные послушно раздевались, чтобы принести себя в жертву.

Он разглядел и свою дочь. Мальчик изобразил её несколькими штрихами, а после росчерком карандаша провёл жертве по шее. Голова малышки исчезла. Вид дочери привёл Реброва в чувство – он ударил себя по лицу и наваждение ушло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.